

ВЫСШЕЕ
ВОЕННО-МОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ
РАДИОЭЛЕКТРОНИКИ
ИМЕНИ А.С. ПОЛОВА

Игорь
Филиппов

Мы - люди флотские

Жизнь и приключения
курсантов ВВМУРЭ
3 факультет выпуск 1970

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Андреевич Филиппов
Мы – люди флотские.
Жизнь и приключения
курсантов ВВМУРЭ.
3 факультет, выпуск 1970

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68905911

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-91755-2

Аннотация

В своей очередной книге автор, капитан 1 ранга в отставке, прослуживший в Военно-морском флоте СССР и России более тридцати лет, с любовью и флотским юмором рассказывает о курсантских годах: замечательном периоде в жизни молодых людей, навсегда связавших свои мечты с морем, кораблями, – всем тем, что называется военно-морской службой. В эти пять лет было всё: трудности учёбы и службы, солёные брызги океанских волн, шлюпки под парусами, дружба и товарищеская взаимовыручка, шпаргалки и самоволки, и Большая Любовь, пришедшая неожиданно и навсегда. В тексте размещено 116 фотографий из архива автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловия	7
Сначала маленькое, но совершенно необходимое	7
Теперь большое, которое, может быть, и вообще не нужно	12
Глава первая. Знакомство с «Системой»	18
Летнее утро	18
Экзамены	24
Четыре молодца, не одинаковых с лица	27
Удивительные встречи	31
«Питоны». Ареал распространения	33
Эксперименты с консервной банкой	37
«Грибы» на бескозырках	41
Командование факультета	47
Достойная Судьба офицера	50
Убежавшая галочка	53
Модные хлопоты	59
Строевой смотр	62
Кто Вы, «Папа Чил»?	69
Присяга	72
Текст воинской присяги	75
Глава вторая. Долгий путь к ленточкам.	78
Воспоминания, необходимые для понимания	

Дорога домой	78
Калининградское детство	83
Бабулина коммуналка	87
Чудесная советская 266-я школа	90
Рассказы о блокаде	93
И снова школа новая...	96
Слегка «влип»	98
Шахматной доской да по башке педиатру!	100
Интересная встреча	102
В один день с Юрием Гагариным	105
393-я школа. Последний рубеж	107
Школьная драка как нечто неизбежное	109
Науки и учителя	111
Физкультура	113
Альтернатива школьной физкультуре	117
География	120
Классическая литература. Неожиданно любимая	124
Совсем не английское поведение	126
Прочие науки	129
Школьное репетиторство как способ создания семьи	133
Национальные особенности производственного обучения	135
Друзья – товарищи	139
Девчонки	141

Вино. Первые пробы	143
Последняя охота с отцом	148
Несчастье в семье, школьные экзамены и институт	152
«Стройбат»	157
Каменщик, копатель, редактор, футболист, мастер «тату»...	163
«Сыч», чифирь и одеколон	170
Бунт	173
Принятие решения	176
Глава третья. Постепенное слияние с «Системой»	179
Флот на помощь колхозникам	179
Чёрный кот и... бутылка	184
Поход в соседнюю деревню	188
Камбуз. Часть 1. «Ох, уж этот камбуз!»	194
Камбуз. Часть 2. «Ах, что за прелесть этот камбуз!»	197
Земноводные подводники	200
Конец ознакомительного фрагмента.	203

Игорь Филиппов
Мы – люди флотские.
Жизнь и приключения
курсантов ВВМУРЭ.
3 факультет, выпуск 1970

Друзьям-товарищам по годам курсантским, жене Татьяне, прошедшей вместе со мной через все радости и горести жизни, сыну Антону, офицеру и «питону»

Предисловия

Сначала маленькое, но совершенно необходимое

Фотография, которую Вы, уважаемый читатель, видите чуть ниже, помещена в самое начало книги специально для того, чтобы Вас сразу *«ошарашить»*, а затем заинтересовать до невозможности, и тогда – по мнению автора – Вы вдумчиво, медленно, но уверенно прочитаете эту книгу от корки до корки.

Выпуск 3 факультета 1970 года

Кроме командования ВВМУРЭ, в толпе молодых лейтенантов виден радостный командир роты капитан 3 ранга Мотыжов Сергей Николаевич, которому удалось-таки довести курсантов своей роты до офицеров. Уважаемые читатели-однокашники, удастся ли вам найти себя и друзей среди стольких счастливых молодых лиц?

...

В 2020 году в моей книге «Военно-морские, охотничьи и рыбацкие истории...», выпущенной издательством «ЛитРес», была опубликована глава первая «Мы – курсанты», как пробный вариант начала настоящей книги.

В результате этой достаточно корявой попытки я получил отзывы от однокашников-сослуживцев, указавших мне на неточности и просто ошибки. Однако, показав мне кулак на будущее, товарищи по курсантской жизни всё-таки захотели продолжения, за что им особая благодарность. Именно эти отзывы позвали меня взяться за продолжение книги.

Хорошенько подумав, я перекроил первую главу, изменив её название, убрал неточности и ошибки, ввёл настоящие фамилии персонажей: чего мне стесняться в своём теперешнем возрасте?

К огромному сожалению, не обо всех однокашниках будет рассказано, прошу простить, кто не найдёт упоминания о себе. Объясняю это тем, что память моя *подробно* высве-

чивает только те эпизоды из курсантской жизни, которые так или иначе были связаны с самыми близкими друзьями-товарищами, то есть – с одноклассниками, а вот с курсантами двух других классов нашей роты – только *избирательно*. Более того, я очень часто не мог решить, к какому именно моменту времени (дню, даже году, курсу) относятся возникающие воспоминания. Поскольку точного изображения тех лет не получалось, я очень переживал – да и сейчас переживаю – не получилась ли у меня лишь бледная копия действительности? Тем не менее, я старался изобразить прошлое не с позиции *Сегодня*, но из *Тогда*, чтобы попытаться сохранить свежесть впечатлений нашей молодости. А для *связи времён* сделал небольшие вставки-пояснения, например: изменившиеся названия улиц, или *кто* будет *кто* в будущем, или ещё что-либо подобное.

Связь времён... Это понятие для меня не существует без сравнения жизни тех лет с нынешней. Оно возникает всегда, как только начинаю обдумывать тот или иной случай прошлой жизни. И в большинстве случаев результат этого сравнения отнюдь не в пользу сегодняшней.

Есть ещё одно обстоятельство, продолжающее волновать меня. Некоторые мои однокашники в период *НЗПБГЕП* (Навязанная Западом преступно-бандитская горбачёвско-ельцинская перестройка, аббревиатура моя), покинув Родину и Флот, перебрались в другие страны. Да, конечно, мы заканчивали свою офицерскую службу во время прорастания

и цветения «демократии и либерастизма», когда в «*верхних эшелонах власти*» происходили самые подлые предательства Отечества, когда улетали в неведомые дали все порядки и законы, созданные кровью наших отцов и дедов. На этом фоне могу ли я судить о тех или иных поступках однокашников? То, что я думаю об их выборе, пусть остаётся со мной; меня утешает, что я бы так никогда не поступил, а ещё и то, что этих людей единицы: в нашем первом взводе таковых всего двое. Мой окончательный выбор – совсем не упоминать об их жизни после эмиграции из России.

Великая благодарность близкому другу Михаилу Титову, как за поддержку в принятии окончательного решения по написанию книги, так и за помощь в разъяснении некоторых полузабытых и совершенно забытых эпизодов курсантской жизни.

Особая признательность однокашникам: Юрию Волгину, Виктору Крылову, Виктору Рязанову, Вадиму Иванову, Владимиру Седову, Игорю Задворнову, напомнившим те или иные истории наших походов.

Огромное спасибо моим одноклассникам по школе № 393 города Ленинграда, Галине Аникиной (Андреевой) и Галине Матюхиной (Авинкиной), которые просветлили воспоминания о школьной жизни.

Отдельная благодарность Александру Венерову, моему товарищу из посёлка Паша Ленинградской области, служившему на Северном Флоте и поведавшем мне некоторые за-

нимательные истории не только о своей службе, но и о последующем периоде «гражданки».

Теперь большое, которое, может быть, и вообще не нужно

Человеческая жизнь быстротечна. Вот рождается маленький человек и почти сразу решает, что уж он-то точно бессмертен, и впереди у него масса времени, чтобы совершить что-то обалденное. А вот и нет – времени у него почти ничего! Дальше больше: на всех этапах жизни этого человека ему внушается мысль, что время лечит, потому что оно, дескать, врач. Но никто не говорит ему, что время – похититель, вор, который не только уносит годы, но и самым бесстыдным образом крадёт память. И как потом подросший человек ни вглядывается в своё туманное прошлое, память показывает ему только отдельные картинки с отрывочными эпизодами событий.

Дорогой читатель, точно таким же человеком, не думающим о быстротечности жизни, был до определённого времени и я. Оглядываться в свои прожитые годы меня заставило увлечение орнитологией, охотой, рыбалкой, собаками, лесами, тундрой... вообще всем тем, что называется Природой с большой буквы. Желание вновь и вновь пережить тот или иной эпизод своих приключений привело меня к ведению охотничьих дневников, позволивших много раз заглянуть в своё прошлое. А вот про военно-морскую учёбу и службу я дневников не вёл, к огромному сожалению.

Теперь же, решив написать эту книгу, мне пришлось разбираться в своих охотничье-дневниковых каракулях в поисках хотя бы малейшего упоминания о службе. К счастью, среди засохших комаров и травинок, прилипших к тетрадным листам, нашлись такие записи. При их прочтении почти сразу происходил прорыв в «библиотеку» моей памяти, тут же переносящий в прежнюю жизнь, где снова начинали служить военно-морские люди, снова слышались команды, солёные шутки, специфические выражения и смех, снова пробирались в пучине вод огромные корпуса *субмарин*, снова на морских просторах крутые штормовые волны валяли надводные корабли, и снова, как награда, была долгожданная дорога домой, в конце которой навстречу выходили любимая женщина и дети... и собаки, конечно же.

Так возникали тропы воспоминаний, путешествия по которым приводили к переосмысливанию прошлых событий и – в конечном итоге – к написанию книг. Вот и сейчас я нахожусь на одной из тропинок воспоминаний, путешествие по которой пойдёт на пользу и мне, и – очень надеюсь – всем читающим эти строки. Мне непременно захочется пройти и по другим тропам, но это случится потом, а сейчас передо мной – тропа жизни и службы курсанта Высшего Военно-Морского училища, которому выпала честь учиться и служить нашей Родине во второй половине прошлого столетия.

Основным действующим лицом я избрал себя, как человека, наиболее мне понятного теперь, через бездну про-

житых лет. В то далёкое время я не мог правильно оценить окружающую обстановку, поэтому порой совершал глупые суетливые поступки. Только теперь, набравшись спокойствия старости, понял, что спешить уже некуда, а мир изменить не удастся.

Уважаемый читатель, не подумайте чего нехорошего: не от самовлюблённости решил я так. Великий Фёдор Достоевский высказался однажды на эту тему: *«Надо быть слишком подло влюблённым в себя, чтобы писать без стыда о самом себе»*. Размышляя над этими словами, я пришёл к такой мысли: я стыжусь многих своих поступков, поэтому стараюсь писать о себе с полной беспощадностью, а вот о других людях я пишу без стыда, даже если они выглядят в моих историях далеко не с лучшей стороны. В конце концов, пусть им самим будет стыдно за свои поступки. Или смешно, что предпочтительнее.

Свои повествования-воспоминания я решил втиснуть в форму коротких историй. Мне нравится их писать, и порой даже кажется, что некоторые мне удаются. Из таких коротких историй можно собрать большую книгу жизни. При этом я не люблю истории, где рассказчики откровенно врут, поэтому историй такого типа у меня «в заглавнике» не бывает. Я люблю рассказывать *настоящие истории*, где к чистой правде примешивается лишь малая толика искусно поданного вымысла, с красочными профессиональными подробностями, усиливающими значимость истинного события. По-

скольку я от природы человек любознательный, много читаю, слушаю, всматриваюсь и спрашиваю, а при этом ещё и ни от кого не терплю унижений – ни от врагов, ни от подлецов, ни от дураков – то могу иной раз завести читателя на весьма странноватые тропинки. Однако всё, о чём рассказано в этих коротких историях, происходило на самом деле, то есть – без вранья!

В этих историях присутствуют юмор, шутка, иногда сарказм и откровенная насмешка. Встречается и такая разновидность юмора, как смех сквозь слёзы и печали... Долгое время мне казалось, что более всего ростки юмора прорастают именно на флотской службе, или на рыбалке, охоте, то есть там, где трудно, где масса направлений деятельности, где можно чаще ошибаться и попадать в смешные обстоятельства, тем более «салаге»-новичку... Однако, как-то раз, разговаривая с близким другом Вячеславом Алексеевичем Полянским – военным лётчиком – я вдруг обалдело прозрел, что и среди военных авиаторов юмор живёт и процветает, любовно взращиваемый и лелеемый «летунами». Это ли не подтверждение того, что юмор бессмертен и живёт везде, если, конечно, правильно присмотреться. Однако на это способен далеко не каждый, о таких людях говорят: *«Никто так не слеп, как тот, кто не хочет видеть»*. Парадоксально, что именно с этими людьми, которые юмор не понимают, надо обращаться очень и очень аккуратно, иначе можно невзначай обидеть человека своей насмешкой. У меня это «полу-

чалось» неоднократно, и тогда бывало очень стыдно. Однако все эти истории случились так давно, а люди, участвовавшие в них, или ушли из жизни, или стали умнее и научились понимать дружескую подначку или розыгрыш, поэтому я надеюсь, что вся эта моя писанина прочтётся без обид.

По мере написания книги мне пришло в голову, что совершенно необходимо написать главу воспоминаний о том, как я пришёл к решению связать свою жизнь с Военно-Морским Флотом. Без этой, довольно объёмистой главы, не получалось складного повествования. Может быть, описывая свой выбор, я несколько перестарался, слишком подробно изложив материал, и получилась своеобразная «Книга в книге», но... что получилось, то получилось. У каждого курсанта был свой путь принятия решения, который не менее интересен; если удастся, я попробую вкратце описать эти пути некоторых моих однокашников.

Детство, школа, военно-морская служба и другие «места обитания» человека изобилуют сокращениями длинных слов, специфическими терминами той или иной профессии, а также разнообразным сленгом (морским, школьным, дворовым, тюремным и т.п.). Поэтому мне пришлось разместить в Приложении «Небольшой словарик...» всего того, что встречается в тексте, и может быть непонятным для читателя.

...

Напоследок о том, как, на мой взгляд, следует правильно

читать истории в этой книге:

1. Поскольку этих историй ну очень много, читайте их, дорогой читатель, на ночь, перед сном, не более пяти штук сразу.

2. Читайте не спеша, вдумчиво, чтобы потихоньку у Вас возникли постоянная потребность к чтению, и – на что я очень надеюсь – хотя бы некоторый интерес к автору.

3. Соблюдение правил 1 и 2 выработает у Вас устойчивое желание прочитать и другие книги автора, как ранее изданные, так и вскоре ожидаемые.

...

Ну, что? Ознакомились? А теперь вот что я Вам скажу:

*– Плюньте на всё то, что я наплёл только что в Большом Предисловии! На самом деле, суть книги – **просто короткие истории из жизни курсантов ВВМУ**, готовящихся стать офицерами ВМФ нашей огромной морской Державы. И ничего более. Если у Вас и проскользнёт внезапная мысль о трудностях флотской службы, не берите её в голову и близко к сердцу не прижимайте: «всё пройдёт, как с белых яблонь дым»...*

Дорогой читатель! Натяните тельняшку и проживите вместе с героями этой книги несколько лет того прекрасного времени, «когда мы были молодые и чушь прекрасную нес-ли», как очень правильно отметила Юнна Мориц в своём известном стихотворении.

Глава первая.

Знакомство с «Системой»

Летнее утро

Июль 1965 года. Петродворец. Раннее утро, тёплое и безветренное. Листва на старых деревьях огромного парка не шелохнётся. Асфальт, только что освежённый водой, парит. Людей на улицах пока не видно.

Между Красным проспектом (теперь Санкт-Петербургский проспект) и Ольгиным прудом высится приметное здание с проржавевшими наверху боковых *приделов*, полуразрушенными стенами и почти полностью облетевшими зелёными изразцами. Это собор апостолов Петра и Павла, построенный в 1905 году по проекту архитектора Николая Владимировича Султанова. Главный купол собора и часть стены разрушены меткими снарядами советских артиллеристов во время Великой Отечественной Войны, чтобы фашистские корректировщики не наводили орудия противника на Ленинград, Кронштадт и корабли в Финском заливе. Историческое здание давно пора реставрировать, но эта необходимая работа откладывается из-за катастрофической нехватки после войны специалистов-реставраторов и историков архи-

тектуры. А пока некоторые помещения занимает склад.

На самом верху разрушенной стены, в пустом проёме от выбитых красных кирпичей, в гнезде, представляющем собой простую подстилку из сухих веточек и стеблей травы, проснулись три хищные птицы. Две старые и одна молодая. Оперение старых очень красиво: понизу белое с россыпью тёмных пятнышек, оно резко контрастирует с тёмным верхом, отливающим синевой. Самец заметно мельче самки. Молодая птица выглядит светло-коричневатой. Отличительная черта всего семейства: жёлтые лапы с острыми длинными когтями, белые щёки с тёмными «усами» и своеобразный выступ-зубец на верхней части крючковатого клюва.

Это семейство соколов-сапсанов. Пара хищных птиц поселилась здесь сразу после войны, когда стих грохот орудий, и вот уже двадцать лет ежегодно возвращается в облюбованное место после зимней откочёвки.

В конце мая из единственного яйца вылупился птенец. Целый месяц старики кормили его пойманными птицами: голубями, дроздами, галками, мелкими воробьиными, иногда утками. Принеся добычу в гнездо, родители разрывали её на кусочки и совали мясо в раскрытый клюв птенца. Птенец вырос, сменил пух на крепкое перо. Неделю назад молодой сапсан стал на крыло, а вчера молниеносным ударом сбил первую в жизни добычу – галку, из стаи, поднятой родителями. Сегодня ему предстоит охотиться самостоятельно.

После утренней чистки перьев семейство хищников лег-

ко взлетает с высокой стены собора. Старые птицы сразу набирают высоту, а молодой сапсан, часто работая крыльями, низко летит через Ольгин пруд, где его привлекает многочисленная орава крикливых крякв. Над дальним берегом, почувствовав восходящие потоки воздуха от тёплой земли, сокол кругами поднимается в голубой простор, превращаясь в едва заметную точку. Прекрасное зрение позволяет птице с высоты не только различать мельчайшие детали земной обстановки, но и точно определить расстояние до выбранной цели. Заметив кружащуюся стаю голубей над длинным жёлтым трёхэтажным зданием, расположенным за улицей Коминтерна (ныне Разводная улица), сокол правит полёт к добыче. Быстро промчавшись над цветочными клумбами, сапсан вертикально взвивается над крышей и цепляется когтями за самую вершину высокой башенки здания.

Утвердившись на вершине, осмотревшись и не обнаружив голубей, сокол видит внизу пёструю толпу молодых людей. Находясь на большой квадратной асфальтированной площади, парни спокойно стоят, другие переходят и перебегают с места на место, смеются и разговаривают, некоторые скрытно курят. Их галдёж долетает до молодого сапсана непрерывным гулом.

Люди почти не интересуют сокола. И, конечно же, он не знает названий улиц и прудов. Он даже читать не умеет – этому родители его не учили.

Пригретый тёплыми лучами солнышка, сокол дремлет.

Его дрёму нарушает громкая команда. Молодые люди строятся ровными группами, выравниваются и замирают.

Окончательно прогнав сон, сапсан замечает летящую тройку голубей и бросается в погоню, мгновенно затерявшись над крышами домов.

...

В то тихое солнечное утро, выполняя команду «*Кандидатам – построиться поротно!*», я стоял в задней шеренге роты кандидатов из числа военнослужащих срочной службы, собравшихся здесь для поступления в Высшее Военно-морское училище радиоэлектроники имени Александра Степановича Попова (ВВМУРЭ), среди курсантов называемое «Системой».

Причина моя – стать подальше от глаз начальников – банальна: дырка в левом кирзовом сапоге. На самом видном месте. На носке сапога. Ну, не совсем дырка, поскольку её слегка прикрывал полу-оторванный кусочек кирзы, трепыхающийся при каждом шаге. Однако, несмотря на то, что левый сапог, так же, как и правый, надраен до зеркального блеска, эта самая полу-дырка меня сильно смущала. Кроме сапог, на мне одеты: солдатские брюки-галифе, застиранная гимнастёрка, опоясанная ремнём, и выдавшая виды пилотка с красной звездой. На плечах – погоны с алюминиевой эмблемой, изображающей скрещённые лопату и кирку. Сведущий человек понимал, что я поступал в училище из строительных войск, в народе называемых «*стройбатом*».

Недалеко от меня в строю стоял точно такой же «стройбатовец», только сапоги у него без дырок. Мы переглядывались, как бы подтверждая своё родство в службе с известным девизом «Бери больше, кидай дальше!» Забегая через годы вперёд, в Будущее Прошедшее время, с удовольствием сообщаю, что «стройбатовец» Виктор Васильевич Кибизов, курсантское прозвище «Казбич», прекрасно окончив училище, будет назначен служить на ТОФ, на подводный атомный ракетоносец второго поколения проекта 667А, где со временем станет старшим помощником командира; службу закончит в Управлении боевой подготовки ТОФ в звании капитана 1 ранга.

Ещё до команды на построение я заметил хищную птицу, сидящую на верхушке шпиля башенки главного корпуса училища, называемого также и корпусом № 3. Ястреб? Но хвост коротковат. Неужели сокол?! Тогда, судя по величине и окрасу, это должен быть молодой сапсан! Увлечение животным миром возникло у меня в раннем детстве, под влиянием отца и толстенных книг Альфреда Брэма. Тяга к изучению птиц была настолько сильна, что в старших классах школы я серьёзно размышлял о выборе дальнейшей учёбы в Ленинградском государственном университете по специальности орнитология, но Судьба повернула меня на иной курс.

Сокол, погнавшись за голубями, слетел со шпиля, и я переключился на другие, более подходящие для настоящего момента, мысли. Кандидатов-военнослужащих на плацу сто-

яло в несколько раз меньше, чем гражданских, в этом году закончивших школу. Военнослужащие имели существенное преимущество при поступлении в училище. Конкурс среди гражданских в тот год был 10 человек на место, а среди военных – всего 3. Большая разница! Для меня это было очень важно: за прошедший год многое подзабылось. Предстояло сдать 6 экзаменов: математика письменно и устно, физика, иностранный язык, русский язык и литература в виде сочинения, физкультура. Больше всего я опасался устной математики.

Экзамены

Экзамены мне пришлось сдавать, щеголяя ненавистой дыркой на сапоге. Начинались они с физкультуры. Все военные успешно пробежали положенные метры-километры, легко подтянулись на турнике, проплыли сто метров в Красном пруду, где было оборудовано что-то вроде дорожек бассейна. Гражданские ребята понесли некоторые потери: кто-то не смог подтянуться, кто-то – финишировать вовремя. Однако таких парней мало: в советских школах физкультура была «на высоте», толстых и немощных ребят почти не было, разве что болели чем-нибудь, но таких отсеяли ещё на медицинской комиссии.

Получив по физкультуре «отлично», физику и письменную математику сдал сравнительно легко, на четвёрки. А вот экзамен по устной математике... Как во сне подошёл к столу, вытянул билет и увидел вопросы, ответов на которые в моей голове почти не сохранилось... Короче говоря, с огромным трудом получил тройку с выговором от математички:

– Что же Вы, солдатик, так пльвёте в элементарных вопросах? Это же надо было знать ещё в девятом классе! Ставлю «удовлетворительно» только из сострадания к Вашей изуродованной обуви.

Вот ведь шутница-стервочка – всё узрела, даже сапоги успела рассмотреть.

Экзамен по английскому языку «сдался» неожиданно просто. Быстро перевёл заданный отрывок из газеты «Moscow News», потом рассказал элементарные сведения о любимом городе Ленинграде. Улыбающаяся преподавательница-экзаменатор спросила меня о семье, вроде бы захотев узнать, «из каких будете?» По-военному чётко ответил, на английском, конечно, что отец был офицером ВМФ и героически воевал в Великую Отечественную на Чёрном море, что мой брат – офицер ВМФ, а потом слегка увлекся и, почти не преувеличив, сообщил, что вся мужская половина моих близких и дальних родственников – сплошь офицеры ВМФ СССР. Пустившая скупую слезу экзаменаторша, почему-то выйдя из-за стола, пожала мне руку и поздравила с отличной оценкой.

Поверив в свои силы, уверенно написал сочинение, выбрав, как всегда делал в школе, свободную тему. Свободный полёт мысли назывался «Почему я хочу стать офицером ВМФ?» Почти сразу пришло решение написать рассказ о той самой последней охоте с отцом, после которой, расслабившись у вечернего костерка, он рассказал о своей службе, о Великой Отечественной Войне, на которой ему пришлось с первого дня войны героически воевать на Черноморском Флоте, в должности командира 1-й бригады торпедных катеров. Я рассказал в сочинении, как навсегда запомнил его слова о том, что защита своей Родины – призвание каждого советского человека, что быть офицером ВМФ – достойный выбор

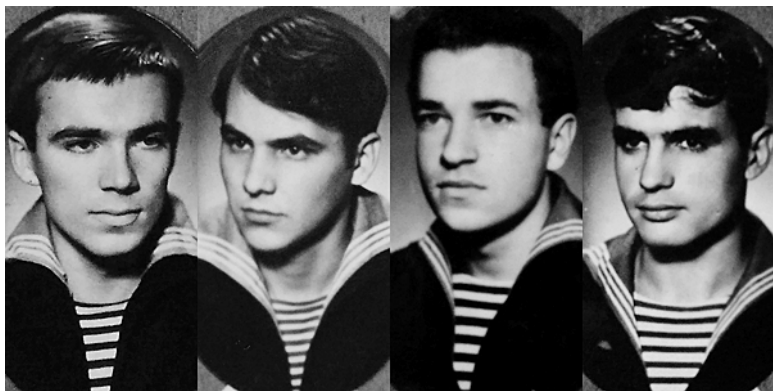
для нормального мужика. В конце сочинения, после долгого раздумья, я всё-таки решился написать о тяжёлых днях ухода отца из жизни.

Рассказ был настолько удачен, что мне поставили за него высшие баллы – две оценки «отлично». Более того, листы этого сочинения, написанного моим корявым почерком, были подшиты в личное дело и сопровождали меня все курсантские и офицерские годы службы. Размышляя здраво, думаю, что это сочинение помогало мне и потом – в тяжёлые моменты жизни, вытаскивая меня из служебных передрыг. К примеру, допустим: после «залёта» берёт начальник моё личное дело и видит там какие-то листочки. Читает и, слегка прослезившись, отменяет висящее надо мной взыскание. Вполне возможная ситуация, не так ли?

Так, неожиданно для себя неплохо сдав экзамены, получив три пятёрки, две четвёрки и одну тройку, 16 августа 1965 года я, в числе многих, оказался зачисленным на первый курс училища, на третий факультет, где предстояло пять лет учиться на военного инженера по электро-радиотехнике со специализацией "Автоматика, телемеханика и вычислительная техника". Мне бы хотелось прибавить к этому ещё «... и орнитология», но эти мои мечтания сильно отсвечивали идиотизмом.

Четыре молодца, не одинаковых с лица

Уже через несколько дней, одетый – как и положено первокурсникам – в синюю *робу*, я стоял на плацу в общем строю роты первокурсников третьего факультета. Командовал предобеденным построением начальник строевого отдела полковник Челидзе Александр Александрович. По его команде мы поротно последовали на камбуз, над входом в который висел огромный плакат с лозунгом Владимира Ильича Ленина: «*Правильной дорогой идёте, товарищи!*» Наши проголодавшиеся желудки искренне поддержали проникновенные слова выдающегося лидера мирового пролетариата.

*Пять лет за одним столом. Мичмана Филиппов
Игорь, Титов Михаил, Хмельницкий Валерий, Юрханьян
Багратион*

Через несколько минут я уже сидел за обедом с пока незнакомыми мне парнями. Столы на четверых, и усаживались мы за них четырежды в день: завтракать, обедать, ужинать и чаёвничать вечером. Моими соседями, а потом и друзьями, стали: нахимовец и ленинградец Михаил Титов, петродворчанин Валерий Хмельницкий и армянин из Туркменистана Багратион Юрханьян (откликнулся и на имя Баграт).

Нас сразу объединило отношение к окружающему, довольно сложному для многих других первокурсников, миру училища. Мы воспринимали любые события спокойно и иронично: удивить меня, уже послужившего в Совет-

ском «стройбате», какими-то вывертами службы было почти невозможно; Мишка – «*титон*» (прозвище всех нахимовцев, суворовцев прозывали «*кадетами*») и заслуженный «*мореман*», давно привык к схожей обстановке военного заведения; Валерка, как житель Петродворца, с самого детства обзревал курсантские будни за забором училища, короче говоря, знал, куда шёл; южанин Багра́т был вообще очень спокойным человеком, обладавшим армянским характером, позволявшим ему не только прекрасно чувствовать себя в любой обстановке, но ещё и выйти из неё с какой-нибудь – пусть и с самой малой – выгодой.

С Мишей Титовым у нас сразу сложились товарищеские отношения, которые переросли в крепкую флотскую дружбу, неоднократно проверенную всяческими испытаниями и временем.

После обеда нас повели в учебный корпус факультета вычислительной техники, расположенный недалеко от главного корпуса, где мы и разошлись по классам. Первый курс нашего факультета составляла рота, в которой были три взвода: курсанты первого и второго назывались «вычислителями», которым на службе предстояло заниматься материальной частью, а курсанты третьего взвода – «программистами»; в этом взводе были крутые математики, лучше всех сдавшие вступительные экзамены.

Мы четверо попали в первый взвод и, соответственно, в первый класс. На флотской службе буквально всё было под

своими номерами: и каждый боевой пост, и каждый военнослужащий. В училище точно так же. Наш факультет – № 3. Поэтому наша рота первого курса – № 31, а наш класс – № 311. Если мы успешно отучимся на первом курсе, то на втором курсе рота наша будет № 32, а класс – № 321. И так далее.

Удивительные встречи

Интересно, что во второй взвод попал мой одноклассник по ленинградской школе № 393 (ныне лицей) – Александр Дубовицкий, а в наш – первый взвод – хорошо знакомый мне также по школе, но из параллельного школьного класса – Валерий Шелевахо, курсантское прозвище «Белый Цыган», а также Юрий Быстриков, курсантское прозвище «Фигаро», мой сосед по двору на улице Васи Алексеева, также закончивший школу № 393, но на год позже меня. Моё курсантское прозвище – «Фил».

Мои «одношкольники» по 393 школе Ленинграда. Мич-

*мана Дубовицкий Александр, Быстриков Юрий, Шелева-
хо Валерий*

Другой мой школьный и дворовый товарищ, Михаил Гернер, учился на нашем факультете, на втором курсе. Вместе с ним был и Юрий Кривошеев, с которым я учился в седьмом и восьмом классах в школе Кировского района Ленинграда, в Автово. В нашей роте оказалось из 72 поступивших 35 *ленинградцев* (в то время почти не говорили – *питерцев*).

Почти половина – ленинградцы! А откуда же другие ребята? Небольшое расследование показало, что в роте 7 человек с Украины, 6 – из Москвы, 4 – из Белоруссии, 2 – из Туркмении, по одному человеку – из Казахстана, Грузии, Северной Осетии, Молдавии, Башкирии и Марийской республики. Остальные 12 – из городов и областей России (Астрахань, Колывань Новосибирская обл., Вологда, Воронеж, Рязань, Советск Калининградская обл., Тамбов, Горький, Опочка Псковская обл., Саратов, Архангельск, Чапаевск Куйбышевская обл.). СССР – огромная страна, и всем советским людям хорошо и привольно жилось на её просторах!

«Питоны». Ареал распространения

В этом, довольно пёстром составе курсантов нашей роты, особо выделялась группа нахимовцев-«*питонов*», закончивших Ленинградское Нахимовское училище Военно-Морского Флота. Они были зачислены во ВВМУРЭ без вступительных экзаменов. А присягу приняли перед выпуском из Нахимовского. Таковы были их привилегии после семи лет учёбы в «*Питонии*» (так нахимовцы называли своё училище).

Верх: «Питоны» 1 взвода. Мичмана Назаренко Валерий, Иванов Вадим, Титов Михаил, Крылов Виктор. Низ: «Питоны» 3 взвода. Мичмана Московенко Михаил, Задворнов Игорь

С самого начала учёбы в роте «питонов» пятеро: в на-

шем взводе Михаил Титов, Вадим Иванов и Виктор Крылов; в третьем взводе – Михаил Московенко и Игорь Задворнов. После окончания первого курса в нашем взводе появился ещё один «питон», шестой в роте – Валерий Назаренко, курсантское прозвище «Нэзар», которому удалось перевестись во ВВМУРЭ из Черноморского Высшего Военно-Морского училища имени Павла Степановича Нахимова.

Так почему же «*питоны*» и «*Питония*»? На наши вопросы нахимовцы отделялись шутками, считая эти термины столь древними, что причину их возникновения теперь и не вспомнить, однако постепенно выяснилось, что сленговое слово «*питон*» образовалось от слова *воспитанник*. Сначала слово *воспитанник* «древние» нахимовцы преобразовали в слово *воспитон*, и тогда дальнейшее сокращение стало понятным. Следовательно, «*Питония*» – место обитания «*питонов*»-воспитонов.

Вот так вспоминает о начале учёбы во ВВМУРЭ «*питон*» Игорь Задворнов:

– В 1965 году окончили Нахимовское училище 49 человек, но только девять «питонов» изъявили желание продолжить обучение военно-морскому делу во ВВМУРЭ. По прибытии в училище всех нас привели в кабинет начальника училища вице-адмирала Крупского Михаила Александровича, и построили для собеседования. Начальник училища побеседовал с каждым, спросив, на каком факультете тот желает учиться. Виктор Крылов, Михаил Московенко и Игорь

Задворнов выбрали третий факультет, класс «программистов». Мы знали, что учиться там будет непросто: очень много математики и программирования, но вот это и привлекало. Подтолкнул нас к такому решению Валерий Трошин, тоже выпускник Нахимовского училища, к тому времени перешедший на третий курс третьего факультета. С его слов получалось, что у «программистов» будет одним из основных предметов «Теория игр», что в нашем воображении представлялось как подробное изучение всех тонкостей карточных игр.

В итоге в класс «программистов» вместо Виктор Крылов не попал, а оказался в первом классе «вычислителей», вместе с Вадимом Ивановым и Михаилом Титовым.

Эксперименты с консервной банкой

Ну, значит, вошли мы в класс, да и уселись за столы. Кто куда захотел. Мне досталось место во втором ряду слева, у окна, вместе с тамбовским парнем Виктором Рязановым. Слегка расстроился, что не достался мне последний стол – «Камчатка», так любимая мною в школе, и только потом – когда началась учёба – я сообразил, как мне повезло: на нижней поверхности подоконника можно было писать любые шпаргалки! Ну, кто из преподавателей туда полезет проверять?! А я, как бы задумавшись и вперив взгляд в заоблачные пространства, преспокойненько считывал с подоконника нужные сведения. Красота!

Ближайшие соседи в классе. Мичмана Рязанов Виктор, Коробков Анатолий, Стацура Алексей, Власенко Сергей

Впереди расположился Толик Коробков из Воронежа, большой любитель и болельщик футбола и Воронежского клуба «Факел», курсантское прозвище «Коробок». Сзади – стол двух друзей-петродворчан: Алексея Стацуры и Сергея Власенко, курсантские прозвища «Лёха» и «Влас» соответственно.

Разобравшись с местами, мы организовались в группы по интересам. Кого-то объединила музыка, кого-то – радиотехника, кого-то – спорт. Так случилось, что наша четвёрка и в классе оказалась вместе. Для завязки знакомства мы «*травили*» друг другу разные байки-истории. Особенно интересно было слушать туркмено-армянскую экзотику Баграта: рассказы про охоту в горах и пустынях на дикобразов и *кекликов*.

Так и шло время. В голодных молодых желудках слегка урчало. Неплохо было бы чего-нибудь зажевать... И тут «*питон*» Мишка вдруг достал из кармана... банку сгущёнки! И предложил «распить» её на четверых. Внешне Миша Титов – высокий симпатичный юноша, на несколько расслабленной фигуре которого выделялась изящная голова со смуглым лицом. Губы Михаила часто кривились в этойкой «*пи-*

тонской» ухмылке, немного свысока: мол, я знаю такое, чего вы и знать-то не можете. Мишка – верный товарищ, что в дальнейшем подтвердилось неоднократно.

Тут же запасливый Баграт протянул ему складной нож, предварительно раскрыв специальную открывашку для банок. Но Валерка Хмельницкий решительно остановил это самое открывание, опасаясь, что если мы будем просто отпивать из банки, то кто-нибудь обязательно увлечётся, и тогда последнему глотающему нечего и пить будет. Мы задумались. Да... задачка... Для начала, чтобы просто время не терять, бросили «*на морского*», разыграв очерёдность. Первому выпало пить Баграту, потом Мишке, потом мне, а последнему – Валерке. Но как же быть дальше?... После некоторой заминки тот же Мишка выдал «*питонский*» секрет справедливой делёжки: банку с помощью линейки и карандаша надо разделить по высоте на 4 части, затем проколоть ножом дырку в верхней отмеченной точке. Такую же дырку следует проколоть на верху банки, чтобы воздух входил сверху и заполнял освободившееся от убывающего молока пространство. Банку предварительно ставят на край стола, и первый тянет сгущёнку из верхнего отверстия до тех пор, пока сладкая жидкость не заканчивается, опустившись до нижнего края верхнего отверстия. Затем прокалывают следующее отверстие для второго участника, ну, и так далее. А Валерке – как последнему пьющему, банку не надо будет прокалывать – он может пить из любого отверстия. Даже может открыть банку

полностью и вылизать, если, конечно, длина языка позволит. Здорово! Ай да Мишка-«питон»!

Начали делить банку. Делил один, остальные внимательно наблюдали за честностью делёжки. Пора прокалывать. И тут Багра́т заявил, что всё неправильно. Он доходчиво объяснил, что в банках сгущёнки всегда есть воздушная прослойка, то есть молоко не заполняет банку доверху. И поэтому надо верхнюю отметку делать ниже. Мы согласились, и теперь уже задумались, какой же объём занимает воздух в банке. В конце концов, отметили миллиметров пять, и уже от этой новой отметки снова разметили банку на четверых.

Далее всё произошло по «питонскому» рецепту: после разметки прокололи, по очереди выпили. И только потом, после большого количества распитых совместно банок, мы догадались, что восточный человек нас слегка надул, так как никакой воздушной прослойки ни в одной банке не было. Хитрюга Багра́т в каждой банке выпивал лишних полсантиметра, как бы нехотя заявляя:

– Ну, давайте, начну я, что ли!

«Грибы» на бескозырках

До присяги ленточки на бескозырках носили только те курсанты, которые раньше уже приняли присягу. Таких в роте набралось человек пятнадцать: бывшие «питоны» и «кадеты», а также ребята, послужившие на Флоте и в Армии. В нашей четвёрке это Мишка и я. Мишка принял присягу в день торжественного выпуска из «Питонии», а я – служа в Армии. Да и подстрижены мы с Мишкой под полубокс. За спиной Валерки и Баграта ленточки пока не вьются, а причёсок у них вообще нет – головы шариками, под ноль.

Первый командир нашей 31-й роты подполковник Стацура Александр Георгиевич и сменивший его в конце 1965 года капитан 3 ранга Мотыжов Сергей Николаевич

Ещё в первый день после зачисления курсантами, нам выдали часть положенного обмундирования: летнюю тельняшку – тельник; синюю робу, состоящую из свободной рубашки и широких брюк морского фасона, то есть без гюльфика, но с большим клапаном на «передке», застёгивающемся по бокам, чтобы в воде быстрее и проще расстегнуть и сбросить

с себя, перед тем, как потонешь; форменный матросский отложной воротник – *гойс*; две пары синих носков – «*карасей*»; здоровенные яловые ботинки с кожаными крепкими шнурками – «*гады*», называемые ещё и «*говнодавами*»; кальсоны – «*кальсы*»; летнюю бескозырку – «*беску*». Летние «*бески*» полагалось носить с белыми чехлами, поэтому их называли ещё и *белыми «бесками»*. К чехлам полагались пружины, растягивающие чехлы так, чтобы они были гладкими и идеально круглыми, ну, как будто стол. Мы сразу же натянули чехлы на пружины, а потом чехлы на «*бески*». И подбежали к зеркалам любоваться. Но тут выяснилось, что любоваться-то нам и не на что. Потому, как не умели мы носить эти самые «*бески*» так, как надо, то есть с флотской лихостью. Ну, так, как носят матросы и все питоны, и Мишка Титов, конечно. А надо было, одевая «*беску*», звёздочку располагать точно посередине курсантского лба, ориентируясь при помощи ладони, приставленной вертикально по линии носа. Потом чуть скосить головной убор набекрень. Но теперь уже в ту сторону, куда сам хозяин «*бески*» имеет склонность: кто к правому уху, кто – к левому. А можно и вообще не скашивать, а надвигать на лоб. Мы быстро овладели этой премудростью под управлением бывалых служак, однако было очень смешно смотреть на некоторых новичков. Красуясь в правильно – как им казалось – одетых «*бесках*», они не замечали своих оттопыренных ушей, иногда очень внушительных размеров. Ещё смешнее выглядели те ребята, у которых уши оттопы-

ривались по-разному. А Мишка Леонов, самый маленький в нашей роте, тут же начал показывать всем, как он лихо умеет шевелить оттопыренными ушами. Представьте себе маленького человечка с огромной бескозыркой на голове, похожей на кривой аэродром, да ещё и шевелящего оттопыренными ушами!

Но тут мы заметили, что некоторые служивые «мореманы» что-то такое сотворили с «бесками», что те стали потрясающе красивыми. И соблазнительными. Их «бески» приобрели форму гриба. И сразу стали похожи на бескозырки времён войны или революции. Мы – кто не умел – просяще облизнулись. Наш Мишка Титов снисходительно, но практически объяснил, как правильно изменить конфигурацию «бесок». И вот что оказалось. Сняв чехол, надо вытащить пружину. Вывернуть чехол и ножницами срезать лишний материал со шва, чтобы шов – когда оденешь чехол на пружину – не проступал буграми. Потом, слегка укоротив пружину, снова вставить её в обязательно мокрый и слегка подсинённый чехол, но уже не над швом, а под него. Далее надеть чехол на бескозырку. Затем самое последнее: взять какой-нибудь подходящий лист жестковатой бумаги – можно цветное фото из журнала – и вставить в «беску» так, чтобы этот лист, обрезанный вкруговую, слегка выпирал чехол в форме гриба. Потом отложить готовое изделие на просушку. Когда чехол высохнет, тогда бескозырка станет тем самым красивым головным убором, который и полагается носить настоящим

«мореманам», каковыми мы себя уже помаленьку начинали ощущать.

Ну и завертелась переделка... У большинства «выросли» красавцы – грибы, а у некоторых переделанная «беска» выглядела как старый сморщенный и раскисший подберёзовик, который на родине моего отца – в Тверской губернии – называли *обабком*. Это случилось с теми ребятами, которые слишком укоротили пружины. А ещё нашлись неудачники, взрезавшие швы, их чехлы вообще распались.

Вдруг появился наш командир роты – подполковник Стацура Александр Георгиевич, который тут же увидел наши упорные старания. Мгновенно построив роту, кто в чём был, командир начал метать глазами молнии и произносить нехорошие военно-морские слова по поводу наших переделок. Приказал привести всё в исходное состояние и дал на это полчаса. После роспуска строя мы резво разбежались исполнять приказание, но не у всех это оказалось лёгким делом. Высохшие грибообразные чехлы нипочём не хотели выглядеть натянутыми аэродромами, к тому же они и не могли натягиваться по причине укороченных пружин. Короче говоря, за полчаса, снова намочив чехлы, мы кое-как привели себя в порядок. Успокоенный командир роты, снова построив и осмотрев нас, показал кулак и исчез в неизвестных пока для нас училищных *ихерах*.

Позже, когда нас начали отпускать в увольнение, мы – первокурсники – тут же за воротами всё равно переделыва-

ли аэродромы на грибы, вставляя в «*бески*» репродукции и фотографии из журналов, в основном изображающие красивых девушек, чьего общества нам не хватало. Потом – на старших курсах – все поголовно носили грибы в любой обстановке, не особо стесняясь: ведь мы теперь были приняты в военно-морское братство, и грибок, сварганенный из бескозырки, или из *мичманки*, стал обязательным атрибутом заправского, походившего по морям-океанам, хлебнувшего солёной водички, шикарного «*моремана*». Кстати, *мичманка* имела ещё и другое название – «*мища*». Что до меня, то я лихо носил гриб на офицерской фуражке аж до звания капитана 2 ранга.

Командование факультета

За пять лет нашей службы-учёбы командование третьего факультета существенно изменилось только один раз – в 1968 году.

Командование 3-го факультета в 1965-1970 годах: Начальник факультета до 1968 года капитан 1 ранга Гонорский П.Я., Начальник факультета с 1968 года капитан 1 ранга Пархоменко Ю.А., Заместитель начальника факультета капитан 1 ранга Савельев А.С., Замполит факультета до 1968 года капитан 1 ранга Левашов

В.И., Замполит факультета с 1968 года капитан 1 ранга Мыльников М.Н.

С полюбившимся нам Начальником факультета капитаном 1 ранга Павлом Яковлевичем Гонорским расставаться было откровенно жаль, но – дело служебное – быстро привыкли служить и с новым начальником, капитаном 1 ранга Ю. А. Пархоменко, который был назначен во ВВМУРЭ с должности флагманского специалиста радиотехнической службы 1-й флотилии атомных подводных лодок Северного флота.

Из факультетских замполитов мне запомнился капитан 1 ранга Василий Иванович Левашов, который был родом из Донецка. Помню его рассказ о героической организации подпольщиков-комсомольцев из Краснодона во время Великой Отечественной Войны. Знать это сейчас, в связи с событиями на Украине, чрезвычайно важно, особенно для современных молодых людей.

Достойная Судьба офицера

Василий Иванович Левашов родился в 1924 году в Донецкой области, в городе Амвросиевке. В 1931 году его семья переехала в город Краснодар, где Вася поступил в школу, а в 1939 году стал комсомольцем. Когда началась Великая Отечественная Война, Василий перешёл в 10 класс.

С приближением фронта в апреле 1942 года Краснодарский райком комсомола направил группу комсомольцев на учёбу в Ворошиловградскую школу подготовки партизан и подпольщиков. Среди комсомольцев были Василий Левашов, его двоюродный брат Сергей Левашов, Люба Шевцова. В школе они обучались на радистов, проходили парашютную подготовку, осваивали навыки выживания в сложной обстановке.

В августе 1942 года Василий в составе диверсионной группы был заброшен в тыл фашистов. В сложнейшей обстановке группа уничтожала вражеские объекты, собирала разведанные, которые радист Василий Левашов передавал в Штаб партизан. 29 августа фашисты окружили группу; молодым партизанам с трудом удалось выйти из окружения и обратиться в Краснодар, занятый немцами.

В сентябре Василий стал членом штаба подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». В то ужасное время гитлеровской оккупации он распространял листовки,

участвовал в боевых операциях, занимался агитацией среди молодёжи Донбасса, привлекая их в «Молодую гвардию», добывал оружие и боеприпасы.

Когда в январе 1943 года «Молодая гвардия» была фашистами разгромлена, и начались аресты, Василию удалось уйти в Амвросиевку, где несколько месяцев он скрывался у родственников. Его брат Сергей был зверски замучен фашистами, вместе с другими героями-подпольщиками. В августе 1943 года Василий с огромным риском перешёл линию фронта, а уже в сентябре он был зачислен рядовым пулемётной роты 1038-го стрелкового полка 295-й стрелковой дивизии.

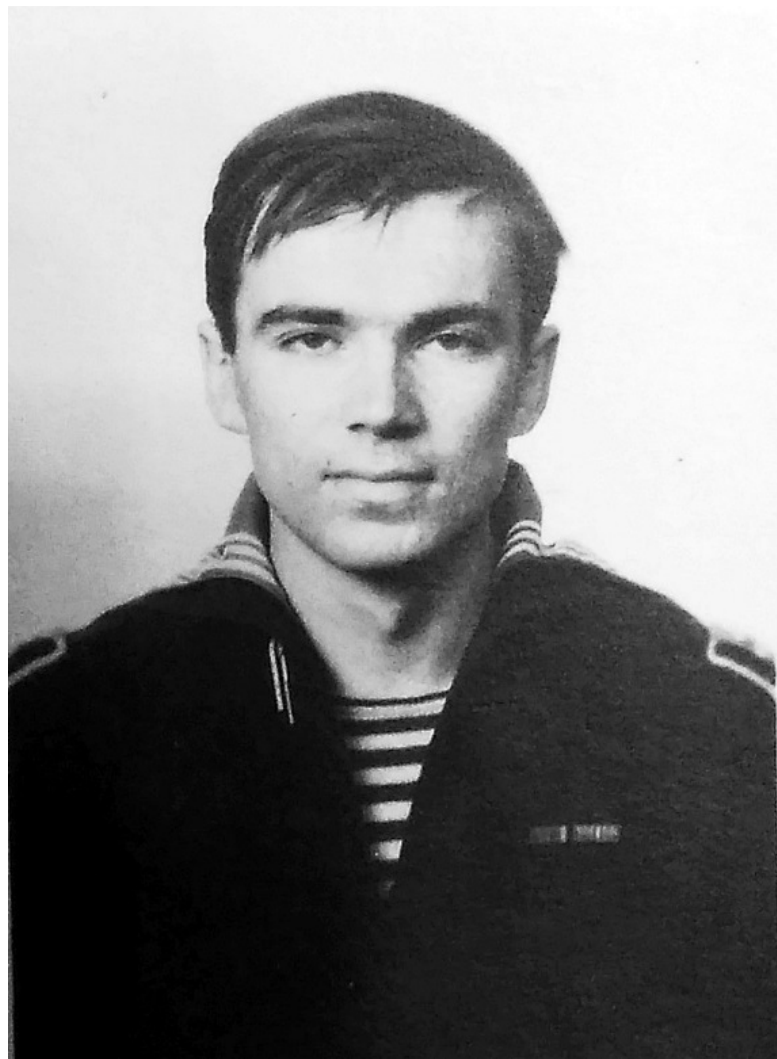
В составе своей роты Василий Иванович форсировал Днепр, освобождал Херсон, Николаев, Одессу, Кишинёв. В апреле 1944 года, после обучения на офицерских курсах, был избран комсоргом батальона, затем полка, принят в члены КПСС. Освобождал Варшаву, штурмовал Берлин.

После войны лейтенант Левашов, окончив политическое училище, служил в ВМФ, на Чёрном море, на крейсере «Ворошилов». С 1949 по 1953 годы учился в Военно-политической академии имени В.И. Ленина. После окончания академии служил на Балтийском флоте, сначала заместителем командира эсминца «Стойкий», потом – в такой же должности – командира крейсера «Свердлов». В 1963 году был назначен замполитом 3-го факультета ВВМУРЭ. В 1968 году стал преподавателем (а в 1973 году – старшим преподавателем и до-

центом) кафедры партийно-политической работы ВВМУРЭ,
где и закончил службу в звании капитана 1 ранга.

Убежавшая галочка

Потихоньку шло время. Приближался долгожданный день принятия присяги и первого увольнения, когда можно будет съездить в Ленинград, показаться родным и гражданским – эх, вы, гражданские! – друзьям. Да ещё в новенькой форме, да ещё в «беске» грибком!

В рукотворную прорезь на вороте фланельки помещается авторучка, иногда даже две!

Нам выдали настоящую форму, чтобы мы её подготовили, как следует. В полный комплект формы (иначе – *вещевой аттестат*) входили: чёрные суконные брюки, две форменки (тёмно-синяя *суконка* и синяя *фланелька*), три *тельняшки* (летняя, зимняя с начёсом и майка, тоже полосатая), пара *гюйсов* (матросские форменные воротники), *чёрная «беска»* для осенне-зимне-весеннего времени, *бушлат* и *шинель*, к которым прилагался галстук – «*слонявчик*», зимняя *шапка-ушанка*, *кожаный ремень с бляхой* (латунная пряжка с якорем) и чёрные хромовые *ботинки*. В этом перечне приведены не все вещи: что-то было выдано раньше, а что-то придерживали по причине северной среды обитания курсантов, к примеру – белая форменка и белые же брюки, входящие в комплект формы № 1. Эту форму носили счастливики из Черноморских училищ, да ещё из Бакинского.

Брюки, суконка, гюйс должны были быть выглажены, причём гюйс – заглажен тремя чёткими складками, а к форменкам, бушлату и шинели на положенных местах пришиты погоны с латунными якорями и *галочки* из медно-золотистого галуна. И красивые шитые звёздочки над галочками. Одинокая пока галочка показывала всем, что перед вами курсант первого курса. Поэтому галочку ещё называли *курсовкой*.

Разошлись в *кубрике* по койкам и начинали шить. Некоторые ребята держали иголку с ниткой впервые в жизни. Шили старательно, высунув от упорства языки и слегка потея. Особенно тяжело было прокалывать толстую материю шинели.

С погонями было всё ясно: пришить их надо было так, чтобы они горизонтально располагались на крепких курсантских плечах. То есть закрепить их в плечевых углах форменок. Тут же Миша Титов показал мне очень ценное изобретение для ношения авторучки: аккуратную прорезь в вороте фланелевой рубахи, меж параллельных швов.

А вот с галочками пришлось потрудиться. Их надо было обязательно пришить на левом рукаве, на совершенно определённом расстоянии от погона, и не криво, а звёздочку прикрепить на расстоянии, равном длине спички без серной головки! Трудная задача для ребят. Но потихоньку все с ней справились: косо пришитые галочки перешили, криво прикреплённые якорьки перекололи. Когда закончили пришивать, старшина роты по фамилии Груздев – курсант 4 курса в звании *глав-старшины* – приказал всем надеть подшитуую, но пока ещё не отглаженную форму, и построиться. Мы с огромным удовольствием натянули все эти флотские одёжки, сунули ноги в узковатые скрипучие ботинки и построились в две шеренги.

Почему узковатые ботинки? Очень просто: целый месяц мы маршировали, бегали и просто передвигались в огромных *«говнодавах»*. От этого наши нижние конечности, рас-

пухнув, сильно увеличились в объёме и плохо влезали в парадные ботинки. И очень скоро многие ребяташки свои нижние конечности сильно натёрли, даже до кровавых мозолей.

Ну вот, построились мы и замерли в ожидании, что же скажет многоопытный старшина. Осмотр формы длился долго, мы даже успели заскучать... наконец старшина добирался до «шкентеля», то есть до конца строя, до маленького Мишки Леонова.

– *Где Ваша галочка?* – пока ещё довольно дружелюбно спросил старшина.

– *Пришил на положенном месте!* – браво отрапортовал Мишка слегка шепелявым от волнения голосом.

– *Там её нет!* – уже чуть суровее заявил командир. Мишка, думая, что над ним подшучивают, ещё более чётко и уже громче проорал:

– *Никак нет, пришита, куда следует!*

Теперь уже старшина, решив, что это над ним подшучивают, слегка применив ненормативную лексику, приказал Мишке выйти из строя. Мишка, печатая шаг – всё-таки не прошли даром дни строевой подготовки – вышел из строя и молодцевато выполнил поворот кругом, оказавшись лицом к замершему в ожидании интересных событий строю. На Мишкином левом рукаве галочки не было!.. Но ведь многие – в том числе и я – видели, как Михаил старательно её пришивал. Куда же она подевалась?!

Мишка, оставаясь в уверенности, что всё у него пришито, гордо обозрел левый рукав, и... надо было видеть его растерянный взгляд... Старшина Груздев громко и решительно произнёс слова, очень неприятные для Мишки:

– *За обман начальника курсанту Леонову объявляю...*, но тут Мишка непроизвольно вздёрнул левую руку, и мы все... увидели галочку и звёздочку, аккуратно пришитыми под мышкой! Слова предполагаемого наказания застыли на старшинских губах. Лёгкий смешок прошелестел вдоль курсантских шеренг. Грозный старшина улыбнулся и приказал покрасневшему от стыда Мишке исправить форму, перешив всё, как положено.

Модные хлопоты

Сначала несколько слов о ротном помещении. Напротив входа с лестницы – *трапа* – находилось место дежурного в виде небольшого стола с необходимыми документами, и стула. Направо от входа – спальное помещение – *кубрик*, на его полу – *палубе* – размещались правильные ряды коек и тумбочек. Налево – *кладовка*, которая зимой служила ещё и *сушилкой*, помещения командира роты и старшин, *галльон* и *умывалка*. Бытовой комнаты нет, вдоль стены коридора стояла парочка столов с электроутюгами.

Мичмана Леонов Михаил и Теплоухов Евгений

Когда мы всё попришивали, наступило время глажки. На столы были наброшены старые одеяла, прожжённые во многих местах, а также куски тряпок от старых простыней, для отпаривания. Поскольку нас в роте больше семи десятков, пришлось организовать очерёдность. Не обошлось и без смеха. Женька Теплоухов погладил брюки таким образом, что складки оказались... на боках! Когда Женька их надел, то стал похож на американского ковбоя, только что слезшего

с запылённого коня. Женькины брюки напоминали ковбойские *чапсы* – кожаные штаны из вестерна «Великолепная семёрка», для бешеной скачки через колючие заросли кустарников и кактусов. И пришлось Женьке снова занимать очередь, потому, как никто его, конечно же, вне очереди не пропустил – сам виноват!

Снова поразил нас Мишка Титов. Когда пришла пора ему гладить, он вывернул обе брючины наизнанку, достал из кармана кусок хозяйственного мыла, слегка смочил его в банке с водой и... тщательнейшим образом натёр изнанку брючных складок! Затем вывернул брюки на правильную сторону и отпарил через мокрую тряпку, уделяя особое внимание швам. Потом повернулся к окружившим его новичкам, снисходительно улыбнулся и объяснил:

– А теперь, «салаги», я целый месяц могу брюки не гладить! Ясно?

Да, всем нам стало ясно, как действовать дальше. Куски мыла, преспокойно лежащие в умывалке, вмиг исчезли. Пошло в ход даже туалетное мыло, которое в значительно меньшей степени обладало склеивающими свойствами.

Позже оказалось, что «*питон*» Мишка маленько приврал: складки не удерживались целый месяц, поэтому наиболее продвинутые в этом деле подкладывали тщательно сложенные брюки к себе в койку на ночь, под матрас, между двух досок...

Строевой смотр

Буковки КМБ расшифровывались как «*Курс молодого бойца*». Именно так назывался самый первый комплекс необходимых знаний о военной службе. Это и строевая подготовка, и различные Уставы, и изучение личного оружия со стрельбой и правильным уходом за ним, и использование противогазов, и... множество другого.

Командование ВВМУРЭ в 1965-1970 годах. Начальник училища до 1968 года, инженер-вице-адмирал, профессор Крупский М.А., Начальник училища с 1968 года вице-адмирал Медведев Е.И., Начальник строевого отдела училища полковник Челидзе А.А., Заместитель начальника училища до 1968 года контр-адмирал Бледнев А.И., Заме-

ститель начальника училища с 1968 года контр-адмирал Токарь Ф.Е., Начальник политотдела училища капитан 1 ранга Кузминчук М.Я.

Нас, курсантов из числа «питонов», «кадетов», флотских и армейских, а короче – тех, у кого за спиной вились ленточки, на строевых занятиях назначили командовать ребятами, поступившими с гражданки. Для меня это было несколько неожиданно: в «стройбате» мы вообще никакой строевой подготовки не изучали. Что делать? К счастью, мне тут же вспомнилось своё детство в Калининградском ВВМУ, где я, ещё совсем малышом, часами наблюдал за строевыми занятиями курсантов, и, конечно же, повторял за ними все правильные движения. Поэтому я командовал, как следует по Уставу.

За несколько дней до принятия воинской присяги объявили строевой смотр первого курса. Начальство всех уровней решило посмотреть, как мы выгладим в парадной форме.

Самый главный на смотре – начальник училища вице-адмирал Крупский Михаил Александрович, племянник Надежды Константиновны Крупской, жены Владимира Ильича Ленина. В его «свите» начальник политотдела капитан 1 ранга Кузьминчук М.Я. и все начальники факультетов, в том числе наш начфака, капитан 1 ранга Гонорский Павел Яковлевич. Однако не они основные проверяющие, а начальник строевого отдела, полковник со звучной фамилией Челидзе

Александр Александрович, очень строгий, особенно к первокурсникам. Старшекурсники пугали нас наказаниями, которые он применял прямо на смотре: за небрежный внешний вид он мог вклеить выговор, пяток нарядов вне очереди, а то и месяц *без берега*, мог даже посадить на *«губу»*. Кличка у начстроя необычная – *«Папа Чил»*. Запуганные таким образом – всем же хочется поскорее принять присягу и выбраться, наконец, на свободу – мы тщательнейшим образом готовились к смотру.

В день смотра наша 31-я рота, с оружием, строевым шагом под оркестр вышла на плац и построилась в определённом месте. Сами себе мы казались одетыми с иголочки, такими морскими красавцами. И правда, белоснежные, чуть подсиненные чехлы *«бесок»* без грибков, новые тельники с яркими полосками, отглаженные гюйсы и брюки, правильно пришитые погоны и курсовки на суконках, *надраенные* бляхи и ботинки... всё сияло и отбрасывало солнечные зайчики! Сначала *«Папа Чил»* осматривал первый и второй факультеты. Через некоторое время начстроя подошёл к нам – роте первокурсников третьего факультета. Поздоровался, и мы проорали ответное приветствие. *«Папа Чил»*, лишь вскользь кинув взгляд на бески, гюйсы и форменки, совершенно неожиданно приказал:

– Предметы личной гигиены – к осмотру!

Мама дорогая! Далеко не все имели *это* в карманах. У каждого за внутренним отворотом бескозырки были воткну-

ты две иголки, с белой и чёрной нитками, но платков, да ещё белоснежно чистых, да ещё и отглаженных, да к тому же расчёсок со всеми целыми зубьями... Короче говоря, человек двадцать из строя были изгнаны и с позором отправлены в роту для исправления. В том числе и я, и ещё несколько человек нашего взвода, а вот дружище Мишка и прочие «*нитоны*» преспокойненько вытащили из карманов отглаженные платки и расчёски. На наше злобное шипение, почему же они нас не предупредили, Мишка спокойно ответил, что принимал нас ранее за культурных людей, у которых в карманах эти гигиенические причиндалы должны всегда быть, а теперь, мол, и не знает, стоит ли к нам относиться, как к культурным людям. И всё это с тончайшим «*нитоно*»-флотским юморком. Ответить на это мы не успели – нам надо было срочно бежать в роту исправляться.

После исправления нашего внешнего вида настало время торжественного марша с лихой песней, в которой обязательно должны присутствовать морские мотивы. Ранее, в течение уже приличного времени, мы каждый день отработывали слаженность этого строевого песнопения. Даже на вечерней прогулке. У каждой роты была своя песня. Наша рота пела «Ладугу». Запевали всегда лучшие певуны-солисты, среди которых особенно выделялся голос Юрки Быстрикова:

*Сквозь шторм и бури, через все преграды
Ты, песнь о Ладогe, лети!*

*Дорога здесь пробита сквозь блокаду –
Родней дороги не найти!*

Мы дружно подхватывали припев:

*Эх, Ладога, родная Ладога!
Метели, штормы, грозная волна.
Недаром Ладога родная
Дорогой жизни названа.*

В песне пять куплетов. Да ещё пять припевов к ним. Если петь все их подряд, то получилось бы долгонько, а время прохождения мимо начальства ограничено, поэтому, как правило, следующие два-три куплета мы пропускали. Запевалы выводили мужественными голосами последний куплет:

*Когда пройдут года войны суровой,
Залечит раны город мой.
Народ вздохнет и песню с силой новой
Споет о Ладоге родной:*

Припев последнего куплета мы орали особенно яростно, грозно печатая шаги:

*Эх, Ладога, родная Ладога!
Метели, штормы, грозная волна.*

*Недаром Ладога родная
Дорогой жизни названа.*

Кто Вы, «Папа Чил»?

Начальник строевого отдела ВВМУРЭ, полковник Челидзе Александр Александрович – «Папа Чил» – был для нас – первокурсников – настоящей загадкой. Мы задумывались, отчего у него такая строгость к подчинённым, хотели узнать, откуда умение носить форму так потрясающе красиво, с особым военным изяществом, даже лоском? Мы жили в такое время, когда почти все наши отцы и большинство старших офицеров-преподавателей воевали. Для нас вопрос «*воевал ли этот человек или нет?*» – был как проверка, как пропуск к хорошим людям. Если воевал, то честь ему и хвала, и всеобщее уважение. Судя по наградам на груди *начстройа*, он воевал. Но где, как? Осторожно расспросили преподавателей, тех, кто постарше. И вот что получилось.

Осень 1941 года. Враг рвался к Ленинграду. 8 сентября началась блокада. 16 сентября немцы прорвались к Финскому заливу и отрезали Ораниенбаум и оборонявшиеся в его окрестностях части нашей 8-й армии от Ленинграда. 17 сентября захвачена Стрельна, 23 сентября – Петергоф. Немцы были остановлены буквально на окраинах Ленинграда. Вдоль Финского залива образовался «пяточок», занятый немецкими частями, протяжённостью 60-65 км и почти 25 км в глубину. Этот «пяточок» стали называть Ораниенбаумским плацдармом противника. Чтобы деблокировать его, ко-

мандующий Ленинградским фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков велел 8-й и 42-й армии провести совместную наступательную операцию и разбить Стрельнинско-Петергофскую группировку врага. Вначале предстояло отбросить немцев от берега Финского залива и расчистить дорогу на Ораниенбаум. Для этого Георгий Константинович Жуков приказал организовать из Ленинграда серию морских десантов. Их было пять:

1. У завода «Пишмаш» (ныне ЛЭМЗ) в Красносельском районе 3 октября 1941 года.

2. Западнее Стрельны 5 октября.

3. В районе Стрельнинского кладбища 6 октября.

4. В парке Константиновского дворца в сторону Стрельны 8 октября.

5. Оперативный десант БалтФлота, из Кронштадта к петергофскому берегу под утро 5 октября.

Нас интересовал четвёртый десант. Он был отправлен из Ленинградского порта в сторону Стрельны в ночь на 8 октября. Десантники высадились в парке Константиновского дворца. Это был батальон пограничников 20-й дивизии НКВД. В составе десанта 431 человек, а **командиром – двадцатисемилетний старший лейтенант Челидзе Александр Александрович**. Немцы встретили десант интенсивным артиллерийским, миномётным и пулемётным огнём. Неравный бой продолжался до середины дня 8 октября. Большинство десантников погибло. Немногие оставши-

еся в живых с наступлением вечера были сняты с берега. В том числе и раненый командир.

Немного о биографии Александра Александровича. Родился в Новороссийске 11.04.1914. Призван 04.09.1934. Военные награды: Орден Красного Знамени, Орден Красной Звезды, Медаль «За Боевые Заслуги», Медаль «За оборону Ленинграда», Медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941-1945гг».

После таких подробностей наше отношение к «Папе Чилу» совершенно изменилось, мы ему «простили» и строгость, и наказания: поняли, что с нами иначе нельзя! А мне тогда подумалось вот что:

– Как же приятно Александру Александровичу, «папе Чилу», служить и воспитывать будущих офицеров Флота совсем рядом с тем местом, где он и его товарищи, жертвуя жизнями, беззаветно защищали Ленинград и победили...

Присяга

Накануне дня принятия воинской присяги мы с Мишей Титовым, принявшие присягу ранее, поведали друг другу, как происходило это событие у него в «Питонии», и у меня в «Стройбате».

29 сентября 1965 года. Первый взвод после принятия воинской присяги. Слева направо, низ: Виктор Рязанов, Евгений Теплоухов, Багратион Юрханьян, Сергей Власенко, Владимир Адажук, Михаил Леонов. Верх: Анатолий

Коробков, Сергей Саяпин, Юрий Зуев, Георгий Чесноков, Вячеслав Сизов, Виталий Сыромятников, Игорь Филиппов, Валерий Валов, Андрей Головин, Алексей Стацюра

В «*Стройбате*» было всё просто: после краткого курса молодого бойца (какой там боец?! Мы даже оружия в руках не держали, только лопаты, ломы да *кельмы*. Нас ведь так и называли – *военными строителями*, а не рядовыми), длившегося всего две недели, как-то перед обедом нас построили. Замполит батальона вызвал из строя военного строителя с громким голосом и выдал ему листок с текстом присяги. Повернувшись к строю, «*боец*» громко и с выражением прочитал текст присяги, потом, отдав листок замполиту, снова стал в строй. Мы по очереди выходили из строя и, не произнося ни слова из текста присяги, просто расписывались против своей фамилии в списках. Вот и всё! Мы даже одеты были не в парадное обмундирование: нам его вовсе не выдавали! Скорее всего, оно нам и не полагалось.

У Мишки всё прошло совершенно по-другому. Это был настоящий праздник для нахимовцев-выпускников. По давней традиции, торжественная церемония принятия воинской присяги происходила на полубаке революционного крейсера «*Аврора*», рядом с артиллерийским орудием, которое, по известной легенде, палило по Зимнему Дворцу. Кроме всего личного состава училища, присутствовала масса людей: родители выпускников, выпускники Нахимовско-

го училища прошлых лет, гражданские приятели и знакомые девушки... Прогремел оркестр. Протопал торжественный марш. Всё это действие было заснято на киноленту ленинградскими киношниками, и вскоре нахимовцы смогли увидеть себя в киножурнале «Ленинградская кинохроника».

...

29 сентября 1965 года, в день принятия воинской присяги, на плацу училища расставили столы, на которых лежали листы с текстом торжественной клятвы. Для каждой роты первокурсников свой стол. Вот тут автор, то есть я, маленько запямятовал подробности: может быть, отдельный стол был для каждого взвода? Очень может быть, но это не существенно.

Мы стояли в строю, с автоматами на груди, при параде и в белых перчатках. Командиры рот и другие начальники вызывали курсантов к столам. Ребята выходили из строя, печатая строевой шаг, подходили к столам, и рапортовали:

– *Товарищ капитан 1 ранга (к примеру), курсант Пруцкий (опять же, к примеру) для принятия воинской присяги прибыл!*

Далее курсант брал в левую руку листок с текстом, лихо разворачивался через левое плечо лицом к строю и, придерживая автомат правой рукой, торжественно и громко зачитывал текст.

Текст воинской присяги

С тех памятных дней текст Присяги несколько раз менялся, по моему мнению – в угоду временному увлечению *демократией*.

Второй взвод после принятия присяги. Слева направо, низ: Владимир Желонкин, Владимир Рыков, Виталий Пруцкий, Василий Савенко, Евгений Куприянов. Верх: Владимир Тур, Евгений Шаханов, Сергей Зимин, Николай Тулунов, Сергей Колочкин, Владимир Седов, Анато-

лий Кислянский, Александр Дубовицкий, командир роты подполковник Стацура Александр Гергиевич, Владислав Иванов, Михаил Мишин, Станислав Мыглан, Виктор Дементьев, Виктор Прихачков, Витаутас Урбас, Николай Топал

Привожу текст старой присяги полностью, так как хочу представить этот строгий и тщательно выверенный документ перед глазами современных не служивших великовозрастных оболтусов и их родителей, «отмазавших» своих драгоценных дитятей от «нехорошей» военной службы, сочинив им всякие болезни: *плоскостопие, рахит, педикулёз, туберкулёз, деменцию, птичий грипп, энурез, хроническую диарею, свиный понос, сифилис, психоз, эпилепсию, сколиоз и отсутствие конечности*, которая на самом деле в наличии...

...

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооружённых Сил, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

...

А всем «отмазавшимся» и поэтому не служившим гражданам привожу слова старинной поговорки: «Быть штатским – позор для мужчины!»

Глава вторая. Долгий путь к ленточкам. Воспоминания, необходимые для понимания

Дорога домой

После принятия присяги мы получили вознаграждение: первое увольнение! Оно, к сожалению, было коротким – всего несколько часов, но запомнилось очень чётко и надолго. Выйдя из училища вместе с огромной толпой первокурсников, с трудом втиснулся в автобус, слегка помятый добрался до станции Новый Петергоф, где удалось заскочить в вагон трогаящейся электрички, с риском разжав почти схлопнувшиеся двери.

Курсант 1-го курса Филиппов Игорь в первом увольнении

Электропоезд набрал ход, и я, стоя в тамбуре вместе с другими курсантами, счастливо улыбался: совсем скоро увижу маму и бабулю, родных людей, так долго ожидавших меня. В кармане месячное денежное довольствие: 7 рублей 80 копеек, и я чувствовал себя богачом.

Станция Броневая. Из вагона выскочило около десятка курсантов. Некоторых знал давно, ещё по дворовому детству; одни повернули, так же, как и я, к улице Автоводской, другие – в сторону Московского проспекта.

Натоптанный просёлок с остатками разбитого асфальта вёл мимо хорошо знакомых прудов. В тёплые летние денёчки наша компания подростков обычно собиралась на берегу вот этого заливчика с заросшими камышом берегами. Здесь мы плавали наперегонки, ныряли, соревнуясь на дальность, ловили водяных ужей, которыми пугали девчонок, загорали под неярким ленинградским солнышком, играли в карты, курили, пили квас и пиво. Курили отечественные сигареты «Аврора» за 14 копеек, позже – болгарские «Шипка», «Пчёлка», «Джебел». Были и «продвинутые» парни, дымившие «Беломором». Пиво приносили в бидонах в разливном виде, из ларька, стоявшего на пригорке, на пересечении улиц Васи Алексеева и Автоводской. Пиво было основательно раз-

бавлено водой, но нам было «до лампочки»: несколько глотков давало приятное ощущение взрослости. Квас продавался из больших металлических бочек, завозимых в постоянные места на улицах. В нашем районе – на пересечении улиц Васи Алексеева и Зайцева. Можно было купить за несколько копеек большую или маленькую кружку вкусного напитка. У ларька с пивом и у бочек с квасом всегда стояла очередь желающих, многие – с бидонами.

Миновав пивной ларёк с крикливой продавщицей, вспомнил, как отец любил выходить по воскресеньям к этому ларьку, одетый по «гражданке», пить с мужичками пиво и неспешно вести разговоры о политике, о спорте, о любимой ленинградской футбольной команде «Зенит», в то время не блещущей успехами... Пара кружек, и – домой. Отец... как же рано он ушёл из жизни...

...

Подошёл к переходу через железнодорожный путь, ведущий к «Кировскому заводу». И снова вспомнил недавнее, когда подростками мы цеплялись за идущие товарные поезда, бегали и прыгали по платформам и вагонам, рискуя стать калеками или того хуже.

А ещё бывало так: часто товарняк стоял подолгу, перегораживая проход на станцию Броневую. Людям приходилось либо ждать, либо обходить длиннющие составы. А мы – нетерпеливые бесшабашные ребята, ждать не хотели, пролезаая под вагонами, которые могли в любой момент тронуть-

ся. Тем ребятам, кто не успевал перекатиться через вторую рельсину, приходилось оставаться под вагоном и, потея от страха, пропускать состав над собой. Пару раз это приключение пришлось испытать и мне.

Перейдя железную дорогу, привычно окинул взглядом окрестности и улыбнулся:

– Дымят, дымят трубы-то... дымят так же, как и раньше...

А и правда: многочисленные дымы «красили» небо разноцветными красками, привычно сливаясь с низкими ленинградскими облаками. Самый тёмный дым выбрасывала ТЭЦ Кировского района, самый светлый – ДСК на Автоводской улице; вносили свою лепту «Кировский» и «Ждановский заводы», небольшая мебельная фабрика, паровозы-кукушки, снующие по железнодорожным путям, и ещё десятки мелких дымков неведомых производств...

Калининградское детство

Мои мысли устремились в калининградское послевоенное детство, когда все родные были ещё живы и здоровы, когда во всех нас, и в детях, конечно же, жило чувство огромной гордости за недавнюю Победу над страшным врагом. Даже я, родившийся после войны, в год Победы, хорошо ощущал это.

Июнь 1941. Командир 1 бригады торпедных катеров ЧФ капитан 2 ранга Филиппов Андрей Михайлович. Ноябрь 1944. Командир Потийской ВМБ контр-адмирал Филиппов Андрей Михайлович

Отец, боевой военно-морской офицер, всю войну героически сражался с немецко-фашистскими оккупантами на Черноморском Флоте, три самых страшных года командовал Первой бригадой торпедных катеров, после освобождения Севастополя стал первым командиром Севастопольской Военно-морской базы, а в ноябре 1944 года – в 35 лет – получил звание контр-адмирала, став самым молодым адмиралом в истории Советского ВМФ. В его бригаде шесть офицеров получили за время войны высокое звание Героя Советского Союза. Потом, из-за последствий тяжёлого ранения, он уже не мог служить в строевых частях, был назначен начальником Бакинского Военно-Морского подготовительного училища. В 1947 году училище перебралось в Калининград, было преобразовано в Калининградское ВВМУ (в будущем – 2-е Балтийское ВВМУ). Отец долгое время служил начальником училища, воспитывая молодых офицеров.

Всё моё раннее детство прошло в Калининграде (бывшем немецком Кёнигсберге). Наша семья жила на территории училища в помещении, приспособленном под квартиру. Лет с четырёх я проводил на территории училища всё своё

время, изучая окружающий мир, жадно впитывая в себя военно-морской дух. С пяти лет я уверенно говорил на морском жаргоне, чётко произнося два известных слова с ударением на последний слог: *компАс* и *ранОрт*. Помню удивление отца и его довольную улыбку, когда я впервые поведал ему, что, когда выучусь грамотно писать (читал я хорошо с четырёх лет, спасибо маме), то обязательно *подам ранОрт*, чтобы меня зачислили в курсанты.

На Новый 1952 год отец подарил мне книгу замечательного писателя Игоря Евгеньевича Всеволожского «Уходим завтра в море», изданную в 1948 году. В ней увлекательно рассказывалось о приключениях двух друзей-нахимовцев: Никиты Рындина и Фрола Живцова. А в 1955 году за отличное окончание 2-го класса меня наградили книгой «В морях твои дороги», того же автора. Книга была с дарственной надписью от директора школы. Каково же было моё удивление, когда содержание этих двух книг полностью совпало! Отец объяснил, что это называется переизданием с другим названием, и что так решил автор. Я с удовольствием прочитал и подаренную директором книгу. Обе книги долгое время стояли на моей книжной полке рядышком, тесно прижавшись бортами. Конечно же, после этих книг и такой увлекательной жизни в училище, я много лет мечтал о Нахимовском училище и о флотской службе.

Однако было и ещё одно увлечение, которое осталось со мной на всю жизнь. Это любовь к Природе и всему, с ней

связанному, а особенно – изучению птиц, иначе – орнитологии. Приучил меня ко всему этому отец, страстный охотник и рыбак. Особенно – правильному отношению к лесу, вообще ко всему лесному. Я был совсем маленький, когда отец впервые привёл меня в лес. Это случилось у него на Родине, в Тверской области. Уже тогда, пребывая в очень малом возрасте, я ощутил – и до сих пор помню то, что в тот момент почувствовал – *Волнение Души!* Это Волнение не покинуло меня и сейчас, в преклонные годы. Лес воспринимаю как Храм, как некое Место, в котором людям следует жить по его правилам. Подобное Волнение Души возникает во мне ещё и при виде моря, особенно штормового.

Позже, в старших классах школы, я так и не смог сделать выбор между этими моими увлечениями. Окончательный выбор сделала за меня Судьба.

Бабулина коммуналка

Постепенно я приближался к дому. Наша семья – семья военно-морского офицера – до 1960-го года своего жилья не имела, часто переезжая с места на место: из Ленинграда на Дальний Восток, потом в Севастополь, в Одессу, где я родился, затем – в Баку, в Калининград, в Румынскую Констанцу, в Ленинград... Из-за переездов я учился в шести школах, иными словами – осваивался в шести коллективах. Когда нам с братом Олегом нельзя было сопровождать родителей, нас «подкидывали» в Ленинград, бабушке Марии Ивановне, в её коммуналку на шестом этаже старинного семиэтажного дома на углу Седьмой Красноармейской улицы и Измайловского проспекта.

Семья Филипповых. Баку. 1947 год

В этой коммуналке на шестнадцать (!) семей, с конца XIX века жила семья моего деда Алексея Васильевича Иванова (погиб во время блокады Ленинграда в 1943 году) и моей бабули Мани – Марии Ивановны Ивановой (Колесовой). Здесь родились их дети: моя мама Нина Алексеевна, дядя Пётр Алексеевич (был снайпером во время войны с финнами, а в Великую Отечественную воевал на Ленинградском фронте в ПВО), дядя Николай Алексеевич (краснофлотец-балтиец, младший командир, пропал без вести на острове Эзель в

1941 году), дядя Анатолий (в 15 лет погиб во время блокады Ленинграда). Я хорошо помнил – из своего раннего детства – бесконечно длинный коридор бабулиной коммуналки, ведущий к огромной кухне с четырьмя газовыми плитами (по одной конфорке на семью) и двумя раковинами для мытья рук и лица, ванную комнату с графиком помывки каждой семьи, галльон на три «очка». В кухне на маленьких столиках стояли вонючие керосинки, поскольку газовых конфорок не хватало. На тёплых стенах кухни шевелились полчища тараканов. В четыре года добраться до галльона или до кухни было настоящим приключением.

Чудесная советская 266-я школа

Позже – в конце 50-х годов прошлого века – я снова жил пару лет у бабули, обучаясь в шестом и полгода в седьмом классе школы № 266 на углу улицы Егорова и набережной Обводного канала. В это время отец служил в Румынской Народной Республике, в должности старшего советника главнокомандующего флотом Румынии. Мама была с отцом. И я тоже жил с родителями в приморском городе Констанце, два года, учась в четвёртом и пятом классах советской школы, пока Никита Сергеевич Хрущёв не вывел из *побеждённой* (тогда было принято говорить *освобождённой*) Румынии нашу Армию. В Румынии были советские и румынские друзья-товарищи, спокойное и штормовое Чёрное море, птицы, дельфины, пещеры, рыбалки и охоты с отцом, иными словами – множество приключений, некоторые – весьма опасные.

Ленинградская школа № 266 была обычной советской школой с прекрасными учителями и удивительными кружками-секциями, где любой ученик мог найти занятие по душе. Кроме школьных кружков, можно было записаться в любую спортивную, либо ещё какую-нибудь районную или городскую секцию. Даже в Ленинградский Дом Пионеров. И всё совершенно бесплатно. В школе действовал отличный стрелковый кружок, где занимались многие мальчишки из нашего класса, даже некоторые девчонки. Стреляли в тире,

в подвале школы. Сначала из пневматичек, а потом – освоив правила безопасности и получив навыки стрельбы – из мелкашек. Проводились соревнования на первенство школы, района, города.

Мы с товарищем-одноклассником Сергеем Колодяжным с удовольствием трудились в районном Доме Пионеров, в кружке «Юный жестянщик». Современным ребятам не понять нашего стремления сделать какую-либо полезную вещь своими руками, мы же с Серёгой радовались каждому кривоватому ковшику или кружке, рождающейся в наших руках. Шедеврами стали бидоны для молока, сделанные «высококачественно», как оценил мастер-жестянщик нашу работу. Бидон, который я отнёс в подарок бабуле, долгое время использовался по назначению, а самое главное – не протекал ни при каких обстоятельствах!

Мы – опять же с Серёгой – сначала записались в спортивную секцию классической гребли в гребном клубе, но, похोдив с месяц, «переписались» в яхт-клуб. Всю зиму с увлечением помогали готовить парусные яхты к спуску весной на воду, но дальнейшему развитию событий мне помешал очередной переезд в новую квартиру в Автово, и с клубом пришлось расстаться, а Серёга продолжил, ходил в плаванье на паруснике «Товарищ», «дослужился» до звания «яхтенного рулевого».

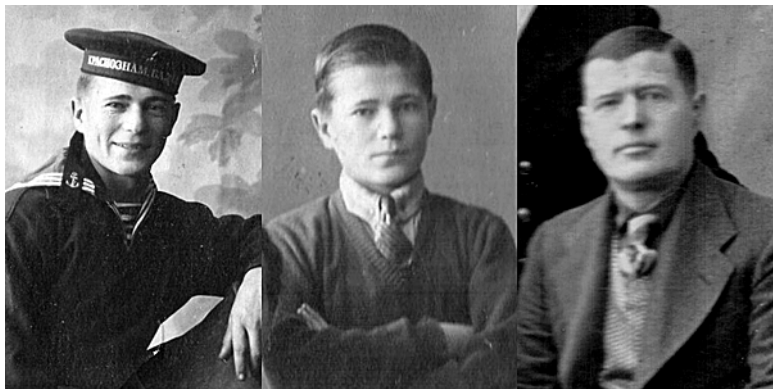
Кроме Серёги Колодяжного, я помню ещё несколько парней-одноклассников по школе № 266: высокого, рыжеватого

и веснушчатого Валерку Панкова, с которым вместе стреляли в тире, толстого Певзнера (имя забылось), всё время что-то жевавшего, и Олега Тетелева, снабжавшего всех желающих пластинками на рентгеновских плёнках, как тогда говорили – «на костях». Олег представлял собой прообраз будущего «предпринимателя», так как снабжал он пластинками отнюдь не бесплатно. Именно тогда я впервые услышал знаменитый «Rock Around the Clock» в исполнении Билла Хейли и его группы «The Comets», многие другие музыкальные «штучки» иностранных «лабухов». Олег прекрасно танцевал рок-н-ролл и твист, чему мы – прочие ребята – немного завидовали, и, конечно же, тайно осваивали эти живописные танцы. Не избежал этого и я.

Как и почти все ребята того времени, я увлекался коллекционированием монет и марок. Особенно увеличились мои коллекции в Румынии, где, играя с румынскими парнями «в пристеночку» и другие занимательные игры, я одновременно пополнял свою «казну» румынскими, болгарскими, турецкими, арабскими, греческими, персидскими и множеством монет прочих государств разных лет. Зная моё увлечение марками, отец и мать, посылая нам с бабулей письма из Румынии, каждый раз наклеивали на конверт одну-две новых румынских марки.

Рассказы о блокаде

Вечерами, после посещения очередного кружка, я быстро-быстро делал уроки, а потом мы подолгу беседовали с бабулей. Обычно эти неспешные разговоры происходили за вечерним чаепитием и продолжались допоздна. Меня интересовали пережитые бабулей события недавней войны, чрезвычайно трагические для неё: ведь она потеряла за три года мужа и двух сыновей...

Мои ближайшие родственники-ленинградцы, погибшие в Великую Отечественную Войну: дядя Николай Алексеевич, дядя Анатолий Алексеевич, дед Алексей Ва-

Её дореволюционные и блокадные воспоминания достойны отдельной книги. Особенно часто я просил бабулю рассказать о моём дяде Толе, Толике – как называла младшего сына бабуля. Она показывала мне из окна голубятню на крыше противоположного дома: когда-то в этом месте располагалась голубятня Толика. В то время голубей гоняли многие, как подростки, так и зрелые мужики. Зрелых было больше. Голуби продавались на рынках, на которых были выделены особые зоны для голубятников. Голубятни строились не только на крышах, но и просто на пустырях. Лишь бы было подходящее место. В войну Толик, как и большинство ленинградских ребят, дежурил на крыше и тушил зажигалки. Однажды бомба попала в его голубятню и зажгла её. С риском загореться Толику удалось освободить птиц. Но у некоторых голубей, вылетевших на волю, горели перья. Эти птицы рушились вниз, во двор, пылающими факелами... Когда бабуля рассказывала эту историю, у меня перед глазами отчётливо возникала картина огненного налёта фашистов и героя подростка, выпускающего голубей на волю...

В другой вечер бабуля рассказала о пробившей крышу и седьмой этаж немецкой бомбе, не разоравшейся, и застрявшей в комнате соседей по фамилии Красильниковы. Я хорошо знал этих соседей, поэтому назавтра напросился к ним в гости, чтобы посмотреть, в каком месте торчала бомба. И

совершенно зря, потому что после ремонта даже следочка никакого не осталось.

Как-то раз бабуля поведала печальную блокадную историю о траве, съеденной подчистую голодными людьми на склонах Обводного канала, и как она сама эту траву ела. Я рассказал эту историю одноклассникам, и мы всем классом на большой перемене побежали на Обводный канал посмотреть, где растёт эта трава. Однако прибежав, увидели, что в Обводном канале торчит крыша грузовика-полуторки, свалившейся с моста перед Варшавским вокзалом, и стали наблюдать, как мощный кран достаёт грузовик из грязной воды. А о траве забыли... Да... забыли тогда, а память взяла и напомнила мне об этом сейчас, в эту минуту моей жизни. И хорошо, что я *тогда запомнил* рассказ бабули, проникся её чувством, чтобы в *будущем рассказать* об этом своим детям, внукам, и другим людям.

И снова школа новая...

Вот и наш дом. Сразу вспомнилось, как мы получили эту двухкомнатную квартиру по адресу улица Васи Алексеева, дом 30, квартира 29. В 1960 году отец служил начальником факультета иностранных офицеров-слушателей в Военно-Морской Академии. Ему выделили квартиру в микрорайоне Кировского района, называемом по-простому «морским», так как квартиры в этих новых домах выделялись в основном семьям военно-морских офицеров, в то время ещё служившим и, как правило, прошедшим войну. По утрам можно было видеть обилие морских фуражек с белыми чехлами летом и чёрными – зимой. Через какое-то время подросшие сыновья и внуки этих офицеров, поступив в Высшие Военно-морские училища, продолжили семейные традиции, и снова микрорайон между улиц Васи Алексеева, Зайцева и Автоводской «оделся» в форму военных моряков.

Поэтому большинство моих дворовых приятелей были сыновьями или внуками военно-морских офицеров. Первым, с кем я познакомился после переезда весной 1960-го года, был Толька Смирнов из соседнего дома 46 по Автоводской улице. Из школы № 266 меня перевели в школу № 17 (теперь № 480), по адресу улица Строителей, дом 7 (теперь улица Маринеско), расположенную во дворе за станцией метро «Автово». Это было 4-этажное кирпичное здание с 4-мя бе-

лыми колоннами при входе, построенное ещё в 1937 году. И надо же было так случиться, что я попал именно в тот 7-й класс, где Толька верховодил. Среди ребят в этом классе учились Валерка Шелевахо и Юрка Кривошеев, с которыми мне предстояло встретиться через несколько лет во ВВ-МУРЭ. А ещё Лёнька Шлионский, из соседней парадной нашего дома.

Слегка «влип»

Для начала Толька показал мне кратчайший путь к школе: дворами и закоулками, что было гораздо интереснее, чем шагать по улицам. Обычно по пути в школу Толька курил. В затыг. В то время и я пробовал курить, но не в затыг, лишь бы не отличаться от других парней.

Я не понимал прелести курения, более того, мне казалось, что и другие ребята тоже притворяются, через силу заглатывая дым в лёгкие. Заметив моё притворство, Толька принялся учить меня курить по-взрослому. Для начала уговорил «свистнуть» у отца пачку крепчайших румынских сигарет, объяснив, что мой отец не заметит, предпочитая «Беломор» фабрики Урицкого. После первых сильных затыжек у меня очень закружилась голова, около часа я лежал на скамейке – приходил в себя... А Толька сидел рядом и смеялся.

Потом он выпросил у меня трофейный кортик фашистского офицера ещё Кёнигсбергских времён, когда мы совсем малыми ребятами искали немецкие клады и оружие в развалинах разрушенного войной немецкого города. Выпросил на время и... не вернул вообще. Когда я спросил про кортик, Толька тут же ответил, что дал знакомому, а тот взял да и продал. Я сразу понял, что Толька врёт, но не мог ничего поделать с этой ситуацией: надо было признаваться отцу, а он ничего не знал о немецком оружии. Так я навсегда распро-

щался с кортиком из моего детства и, конечно же, перестал доверять Тольке.

Толька часто продавал ребятам в школе и во дворе какие-то вещи, в основном иностранного производства, снабжал всех желающих не бесплатной «жвачкой», приносил порнографические фотографии. Он занимался фарцовкой, не скрывая этого в среде ребят. Более того, он неоднократно предлагал заняться тем же и мне. Разобравшись в Толькиных интересах и его вероломстве, я каждый раз говорил «нет». После нескольких отказов Толька потерял ко мне интерес, чему я был очень рад. Закончил он плохо. После окончания 8-го класса его семья переехала в Ростов, где Толька связался с бандитами и – по слухам – получил срок, а позже – скончался от ножевого ранения.

Шахматной доской да по башке педиатру!

С Лёнкой Шлионским мы подружились на почве коллекционирования, чтения книг и любви к шахматам. Его отец, офицер-подводник, капитан 1 ранга Моисей Львович Шлионский, командовавший подводной лодкой на Черноморском Флоте в годы Великой Отечественной Войны, мечтал и из сына сделать подводника, но не срослось: в *Прошедшем Будущем* Лёнька, он же Леонид Моисеевич Шлионский, станет врачом-педиатром. Но это случится потом, а пока мы в запой читали Ильфа и Петрова, «Двенадцать стульев» и «Золотого телёнка». Конечно же, и другие книги. В то время все дети и подростки много читали, поэтому наши разговоры с Лёнкой были насыщены цитатами, к месту и не к месту. К примеру, желая меня слегка задеть, Лёнька часто повторял непонятную фразу:

– Когда ты был молодым, Моисей ещё не вылез из пелёнок!

В ответ я шпарил ему по-простому, из любимого фольклора североамериканских индейцев:

– Любопытно, на сколько оборотов завернётся твоя башка, прежде чем хрустнут позвонки!

А потом мы дружно и весело смеялись!

Играя в шахматы, выигрывал больше я, а Лёнька злился

и в злобе «сливал» мне одну партию за другой. Как-то раз, проигрывая очередную партию, он смухлевал в манере Остапа Бендера, незаметно убрав мою фигуру из игры. Тогда я, схватив шахматную доску вместе со стоявшими на ней фигурами, трахнул Лёньку по башке. Не здоровались и не играли в шахматы около месяца... Потом помирились.

Лёнька коллекционировал монеты, но его коллекция была в зачаточном состоянии. Надо было видеть, какими глазами Лёнька смотрел на моё «богатство». И ведь дождался, хитрец, своего счастливого момента: когда я увлёкся романтикой геологии и захотел стать геологом-поисковиком, даже сделал геологический молоток и начал собирать всякие камни и минералы, обыскивая автовские дворы и закоулки, Лёня упрямил меня выменять коллекцию монет на десяток камней, возникших у него из неизвестных источников. В конце концов, поддавшись на его хитрые уговоры, «махнулся»...

Интересная встреча

В то советское время для школьников – пионеров и комсомольцев – организовывались встречи с интересными людьми: заслуженными производственниками, инженерами, героями войны, актёрами театра и кино, с которых мы должны были брать пример. Сейчас-то вряд ли кто-то будет брать пример с актёров... Большинство этих встреч растворилось в моей памяти, но вот одна – в марте 1961 года – осталась на всю жизнь.

К нам в класс пришёл Александр Иванович Маринеско, в Великую Отечественную Войну командовавший на Балтике подводной лодкой «С-13», потопивший огромный фашистский транспорт «Вильгельм Густлофф», став после этого личным врагом Гитлера. Александр Иванович тогда жил поблизости от нашей школы, на улице Строителей (в 1990 году её переименуют в улицу Маринеско).

Александр Иванович показался нам очень скромным человеком. О войне говорил и мало, и нехотя. Этим он напомнил мне отца, вообще всех воевавших родственников, которые также не хотели ворошить тяжёлые воспоминания. Подробно и привычно рассказал только об атаке подводной лодки «С-13» под его командованием на «Густлофф» и на другой большой транспорт «Штойбен». Даже нам было понятно, что Александр Иванович эту историю привычно по-

вторяет, может быть, в сотый раз.

Потом он заговорил о своём детстве и довоенной жизни. Оказалось, что родился он в Одессе, так же, как и я, только он в 1913 году, на 32 года раньше меня. Отец был румынским матросом, а мать – крестьянкой из-под Херсона. Окончив 6 классов в одесской школе, стал учеником матроса. Успешно окончил школу юнг, после которой ходил на судах Черноморского пароходства матросом 1-го класса. С 1930 по 1933 год учился в Одесском мореходном училище, по окончании которого ходил помощником капитана на пароходах «Красный флот» и «Ильич».

В этом месте своего рассказа Александр Иванович откровенно сообщил, удивив нас, что никогда не хотел быть военным, а мечтал служить в торговом флоте, повидать дальние страны. Однако жизнь его сложилась так, что в 1934 году по путёвке комсомола был направлен на специальные курсы состава РККФ (Рабоче – Крестьянского Красного Флота), после которых был штурманом на подводной лодке «Щуке» Щ-306 Балтийского Флота. А через несколько лет началась война...

Вот тут Александр Иванович снова замолчал, словно не хотел продолжения, а, скорее всего, наших каверзных вопросов. Конечно же, почти все мы, а особенно интересующиеся историей войны и нашего ВМФ СССР, знали о многих его дисциплинарных «выкрутасах» до войны, во время войны, и после войны. Знали, что он временами пьянствовал, играл

в карты, был несколько раз разжалован, и т.п., а в мирное время даже провёл 3 года в заключении...

Встреча закончилась. Мы – парни – собрались кучкой и спорили: герой Маринеско или нет. Разошлись, так ничего и не решив. Прошло с тех пор много лет, и Время расставило всё по своим местам. Капитан 3 ранга Маринеско Александр Иванович, Герой Советского Союза (посмертно), кавалер ордена Ленина, двух орденов Красного Знамени, медалей: За боевые заслуги, За оборону Ленинграда, За Победу над Германией – так теперь звучит его имя, имя настоящего Героя нашей Родины, морской Державы.

В один день с Юрием Гагариным

Вдруг – в эту секунду – вспомнилась весна 1961 года, когда меня принимали в комсомол. Самым последним в классе: остальных одноклассников приняли раньше. Случилось это потому, что меня определили как близкого друга Тольки Смирнова, зимой взятого милицией на спекуляции «варёнкой» – варёными джинсами. О Тольке по поводу его вступления в комсомол вообще даже и мыслей ни у кого не было; я же попал в эту неприятность исключительно за компанию с ним. Когда выяснилась моя непричастность и, более того, полное презрение ко всяким спекуляциям и фарцовке, мне рекомендации дали и направили в Районный комитет ВЛКСМ, который располагался тогда в здании Администрации Кировского района на Кировской площади. Прибыл я в комитет точно в назначенное время, к 9.00. Одинокое сидевшая за столом в большой комнате девушка-комитетчица торжественно выдала мне комсомольский билет и, выйдя из-за стола, приколотла к куртке комсомольский значок.

Радостно теребя значок, уже по-комсомольски бодро вышел я на площадь, где увидел толпы народа, что-то празднующего. Поток людей струился по проспекту Стачек, с двух сторон подходя к памятнику Сергею Мироновичу Кирову. Звучали радостные голоса, песни, громкие поздравления. Оказалось, что народ праздновал полёт Юрия Алексеевича

Гагарина в космос! Было 12 апреля 1961 года.

393-я школа. Последний рубеж

После окончания 8-го класса почти всех учеников, решивших продолжить образование, перевели в новую школу № 393 (теперь лицей), в красивое здание на небольшом взгорке, по адресу улица Автовская, дом № 5. Некоторые ребята, в том числе и я, участвовали в постройке этой школы, выполняя простейшие подсобные работы.

Комсорг Андреева Галя, староста Абрамович Женька и классная руководительница Цибизова Маргарита Викторовна («Маргоша Шапокляк»)

Началась учёба в девятом классе. Поскольку все мы – учащиеся – прибыли из разных школ, на первом же классном собрании предстояло выбрать старосту и комсорга. Очень долго классный руководитель и по совместительству преподаватель математики, Маргарита Викторовна Цибизова, искала среди нас желающих. Никто не соглашался. *Маргоша* – именно так звучало её моментально возникшее прозвище – внешним видом и поведением напоминала мадам Шапокляк из мультика про Чебурашку и крокодила Гену. Применяв все возможные уговоры, *Маргоша* психанула и ткнула перстом в первые две фамилии из классного журнала. Ими оказались Женька Абрамович и Галя Андреева. Класс незамедлительно и дружно проголосовал. Единогласно Женька стал старостой, а Галя – комсоргом.

Школьная драка как нечто неизбежное

Классы в новой школе были «перенаселены». В нашем девятом «А» – 40 учеников. А ещё были классы «Б, В, Г, Д и Ж»! Плюс десятые и одиннадцатые классы. На переменах происходило настоящее столпотворение. Но, поскольку в школах в те времена была строгая дисциплина, до хулиганств доходило редко, хотя драки между парнями случались. Я был миролюбив, но сдачи давал. Особенно и сразу мы невзлюбили друг друга со старостой Женькой Абрамовичем, крепким парнем одного со мной роста. Что ему не приглянулось в моём независимо-мечтательном поведении, не знаю, но задирался он при всяком удобном случае. Всё шло к неизбежной схватке.

Драка произошла в классе, во время перемены, когда девочек и большинства парней не было. Нас окружало трое четверо ребят, среди которых был Валерка Бутузов, культурист-второгодник, физически очень сильный. Он никогда ни с кем не дрался, так как был намного сильнее остальных, но любил посмотреть на драку и, если она заходила слишком далеко, разнимал. Наша схватка с Женькой закончилась быстро: на попытку противника заломить мне руку я увернулся и ответил парой быстрых ударов под дых и сразу в челюсть. Этой боксёрской серии под названием «тройка» ранее на-

учил меня отец, ещё в Румынии. Женька согнулся, а потом отлетел к доске, сильно ударившись затылком, но не упал, только растерянно озирался по сторонам. Валерка шутливо присудил мне победу. С того момента меня больше никто не задирает, а Валерка при встрече всегда дружески улыбался и подмигивал, намекая на ту самую драку.

Науки и учителя

Мы потихоньку выросли, это начинало сказываться на нашем внешнем виде. Особенно у девчонок, которые выглядели старше парней. Да и не девчонки это уже были, а симпатичные девушки, прекрасно «округлённые» в некоторых местах.

*Где-то на экскурсии: Авинкина Галя, Филиппов Игорь,
Зайцева Галя*

Начались всякие предпочтения, попытки своеобразных ухаживаний... Мне эти «шуры-муры» были абсолютно «по барабану»: почти на всех уроках я, держа очередную книгу на коленях, читал. Запоем. Поэтому, вместо изучения умных формул и выдающихся событий истории, перед моим романтически затуманенным взором возникало то штормовое море, швыряющее по свирепым волнам парусник с упрямыми искателями приключений, то космические корабли, исследующие туманность Андромеды, то геологи-разведчики, то экстремалы-охотники и рыбаки... а иногда на моих коленях возлегал толстый том Альфреда Брема или орнитологический справочник по птицам Ленинградской области.

Напрягалось моё внимание только на уроках географии, литературы, физики и физкультуры.

Физкультура

Физра – как мы тогда кратко называли физкультуру, для всех парней нашего класса была одним из любимых предметов, в чём огромная заслуга преподавателя Козлова Германа Ивановича.

Преподаватель физкультуры Козлов Герман Иванович. Фото из Школьного альбома. Только что победили! Стоят слева направо: побеждённый соперник, Олег Тауров (второй этап), Миша Костечук (четвёртый этап), Володя Павлов, Женя Чугунов (первый этап), ещё один побеждённый соперник, Володя Васильев. Ниже – Толя

Жуков. Ещё ниже – Игорь Филиппов (третий этап)

На каждом занятии он делал всё, чтобы мы всесторонне физически развивались. Обычно урок начинался с разминки. Потом переходили к лёгкой атлетике: бегали, прыгали в высоту, в длину, бросали гранату, толкали ядро. Заканчивался урок всегда какой-нибудь игрой для всего класса, разделённого на две команды: в волейбол, баскетбол, ручной мяч.

Герман Иванович много занимался с нами бегом. И бегали мы с весны до глубокой осени, а зимой, когда из-за непогоды было невозможно ходить на лыжах, бегали в зале, «нарезая» круги вдоль стен. Для проведения кроссов мы уезжали на трамвае № 36 в Сосновую поляну, где хорошо было бегать по дорожкам парка «Новознаменка» вокруг прудов. Часто происходили соревнования между классами.

Помню одно из таких соревнований, когда проводилась эстафета: четыре участника от каждой команды бежали по километру каждый. Я был заявлен на третий этап. Первым номером бежал Женька Чугунов, второй этап – Олег Таиров, обогнавший несколько соперников и передавший мне эстафетную палочку третьим. Свой этап я начал резво, и метров через сто, обогнав второго, уже задышал в затылок первому. Преодолев деревянный мостик через речку Сосновку, дорога пошла в горку. Поверив в свои силы, я пошёл на обгон именно на подъёме, к высшей точке обогнав соперника уже

метров на десять. Наши болельщики, расположившиеся на финише, увидев это, радостно зашумели, особенно выделялись звонкие крики девушек, что было приятно, и мне захотелось ещё поднажать. Но... я не правильно разложил свои силы... соперник начал потихоньку меня доставать... вот он уже топчется сзади... совсем рядом... обходит меня и начинает уходить вперёд. Более того, ко мне стал приближаться следующий! Собрав последние силы, я кое-как дотерпел до финиша, но в конце уступил и пришёл третьим, отстав от второго всего на «пол-лаптя». Меня сменил Мишка Костечук, который, промчавшись по дистанции, словно борзая, всех обогнал, и мы всё-таки выиграли!

Бегая кроссы в парке, я не мог и представить, что в будущем – через много лет – буду гулять именно вокруг этого пруда, переходя именно этот деревянный мостик через речку Сосновку, и кормить уток вместе с женой, внуками и собаками.

...

Когда мы учились в 9-м классе, в 10-м учился уже тогда подающий большие надежды толкатель ядра Валера Войкин. Наблюдая за его «взрывным» толканием, мы каждый раз восхищались его мощностью, и гордились, что он из нашей школы.

Заглянув в Прошедшее Будущее, увидим, что Валерий Григорьевич Войкин станет МСМК (мастером спорта международного класса), неоднократным рекордсменом СССР в толкании ядра, 4-х кратным призёром Чемпионатов Европы,

5-ти кратным чемпионом СССР, бронзовым призёром Спартакиады народов СССР 1967 г., победителем Спартакиады народов СССР 1971, 1975, 1979 гг., победителем Всемирной Универсиады 1973 г., серебряным призёром Универсиады 1970 г. После окончания спортивных выступлений Валерий Григорьевич будет работать тренером, подготовит чемпионку мира в толкании ядра Ларису Пелешенко.

Наверное, вдохновлённые подобными примерами, многие учащиеся нашей школы занимались в спортивных секциях и школах. К примеру, в нашем классе Виталик Эзергайль занимался лёгкой атлетикой в спортивной школе, а Светлана Закс – очень серьёзно гимнастикой.

Альтернатива школьной физкультуре

В спортивные секции в старших классах я не ходил. Мне хватало дворовых спортивных игр: летом в футбол, зимой – в хоккей. В каждом дворе заливались катки, где происходили ледовые сражения. На коньках умели кататься почти все ребята и девчонки. Причём очень неплохо. В городе работали катки: на стадионах и в парках. Особенно хорош был каток на стадионе «Динамо», залитый вокруг территории стадиона. Кроме этого, было ещё плавание в прудах и в Финском заливе; тогда у ребят только начали появляться самые первые ласты, маски и дыхательные трубки. Всё это было очень интересно и развивало физически.

А велосипеды?! Редко у кого не было велосипеда. Если не было, то была мечта заиметь его. А пока можно было покататься на велосипедах друзей. Не считая велосипедов из детства, взрослый «серьёзный велик» у меня появился в 1960-м году, сразу после переезда на улицу Васи Алексева. «Спутник» В-34, по сути дела – модернизированный «Турист». Три скорости с переключателем на раме, управление тормозами на руле, более узкие шины... всё это создавало в моих восхищённых глазах образ сказочного аппарата, способного развивать бешеную скорость.

Однако – в те замечательные годы – выехать на городские улицы было не просто: надо было сначала сдать экза-

мен на знание правил дорожного движения. Иначе – гонки только во дворах, без выезда на проезжую часть. Ну, а если всё же выехал, непременно жди неприятностей от милиции и дружинников. Меня экзаменовала комиссия из трёх человек, один из которых был старшина милиции, в помещении на первом этаже углового дома проспекта Стачек и улицы Зайцева, там, где теперь стоит памятник герою-подводнику Александру Ивановичу Маринеско. По-мальчишески думая, что я всё знаю, пошёл без подготовки. Завернули. Потом снова завернули. Сдал только с третьего захода. Мне выдали велосипедные права и номер на велосипед. Вот насколько серьёзен был тогда подход к владельцам велосипедов!

Но мы – ребята-велосипедисты района «Автово», правил особенно не придерживались, и гоняли везде, где можно и где нельзя. Почти каждый день, после школы, мы мчались на своих «великах» до Стрельны или ещё дальше – до самого Петродворца. Разворачивались обратно обычно на перекрёстке в Заячьем Ремизе. Иногда, если попадался медленный грузовичок, одной рукой вцеплялись за его *транец*, так и ехали, подобно рыбе-прилипале, сколько позволяла ситуация. А ситуация иной раз становилась опасной, к примеру, когда грузовик внезапно увеличивал скорость. Или тормозил. Некоторые мои товарищи-велосипедисты падали, сильно разбивая конечности, не говоря уже о велосипедах и одежде.

О себе помню такой случай. Прицепившись рукой за кор-

му грузовичка на известном спуске от Стрельны к городу, я, блаженно отдыхая, задумался. В это время грузовик резко затормозил перед переездом. По-спортивному низко опущенный руль и весь передок моего велосипеда влетели под кузов, где этим кузовом и зажались. Поскольку велосипед вошёл под кузов до самого сиденья, я был вынужден просто повиснуть на грузовике, зацепившись руками за задний борт. Когда грузовик тронулся, велосипед свалился на бок, а я, прокатившись в висячем состоянии ещё метров двадцать, благополучно рухнул на асфальт. Большая удача, что идущих за нами машин не было, поэтому мы с велосипедом счастливо отделались несколькими царапинами, расколотой правой ручкой руля и порванным рукавом куртки.

География

Географ у нас был выдающийся, Николай Владимирович Белоусов. Участник Великой Отечественной войны, награждённый орденами и медалями.

Вот таким мы знали Николая Владимировича в 393-й школе в 1961-1964 годы

Совсем молодым человеком попав на фронт, дошёл до Берлина. Демобилизовавшись в 1950-м году, окончил вечернюю школу, поступил в педагогический институт имени А.И. Герцена, учился, одновременно работая на заводе, а потом – на старших курсах института – уже преподавателем в школе.

Его уроки географии пользовались у нас огромной популярностью и запоминались надолго. Они были словно яркие, увлекательные путешествия по странам, городам, морям, пустыням, лесам. Отличный спортсмен, он мастерски играл в волейбол, часто выходя на площадку вместе с ребятами. Кроме этого, он сочинял стихи, был добрым, справедливым и остроумным, с тонким юмором.

Снова заглянув в Прошедшее Будущее, сообщу, что Николай Владимирович в 1976 году станет директором 387-й школы и более 30 лет будет её бессменным руководителем. Здесь он сумеет создать уникальный коллектив педагогов-единомышленников, ищущих новые формы работы с детьми. А поскольку Николай Владимирович очень любил петь, он приучит петь и всю школу. В Кировском районе школу 387 назовут «поющей».

За свои заслуги он получит звание Народного учителя

Российской Федерации, а в 2009 году 387-й лицей добавит в своё название долгожданные слова: «...имени **Н.В. Белосова**».

Классическая литература. Неожиданно любимая

Давно известно, что в учёбе всё зависит от интереса, который привьёт к предмету учитель. Однако, как же привить интерес, если ученик не слушает, а всё учебное время читает книги, держа их на коленях?

На уроках литературы я не старался вникать в разглагольствования учителя о великолепии поэзии Александра Сергеевича, величии трагедий и поучительности комедий нашего дорогого Вильяма, народности стихотворений Николая Алексеевича... И всё было бы хорошо, но... приходилось писать сочинения. За грамотность я не переживал: не зная правил, но, прочитав множество книг, писал грамотно. А сочинения выбирал исключительно на свободные темы.

В то время было обязательным помещать перед сочинением эпиграф, то есть применять ранее заученные слова всяких знаменитых личностей. Это как бы показывало учителю, что ученик настолько интересуется литературой, что даже спать не может, а дни и ночи всё зубрит и зубрит стихи и прозу для эпиграфов. Я же смело применял свой метод литературного пиратства: быстро сочинял четверостишие или что-то подобное в прозе, подписываясь фамилией более-менее подходящего классика. Жуть! Но почему-то срабатывало безотказно, вплоть до начала 11-го класса, когда к нам при-

шла новая учительница литературы, Шапкина Нина Дмитриевна. Она с первого раза разоблачила меня, попросив объяснить, из какого произведения Шекспира я взял поэтические строки, так распрекрасно подошедшие к теме сочинения на свободную тему «Моё мнение о роли труда в Коммунистическом обществе». Было стыдно, и пришлось сознаться... После моего раскаяния Нина Дмитриевна всё же отметила мою грамотность и умение излагать интересные мысли на любую свободную тематику, если она не касалась классики.

– Но классику Вам читать необходимо! Очень стыдно советскому молодому человеку не знать классическую литературу. – Такими словами закончила она разоблачение.

Нина Дмитриевна дала мне «пинок» такой силы, что за зиму, несмотря на тяжёлую болезнь отца, я проглотил всего Александра Сергеевича, Михаила Юрьевича, рассказы Антоши Чехонте, некоторые произведения Ивана Сергеевича, начав, естественно, с «Записок охотника», очень удивившись, что про охоту-то и двух слов автором не было сказано... Именно с этого времени у меня появилась, кроме любви к классической литературе, тяга к сочинительству, не покинувшая меня до сих пор.

Совсем не английское поведение

Английский язык преподавала нам Кемпинская Татьяна Ефимовна, женщина в возрасте, маленького роста, но с очень развитыми грудными железами. По какой-то причине, которую сейчас не помню, именно на её уроках мы – великовозрастные обормоты – совершали всякие отвратительные поступки, тогда казавшиеся нам героическими.

Учителя: Кемпинская Татьяна Ефимовна (английский язык), Иванькович Ванда Мечиславовна (история и обществоведение), Шапкина Нина Дмитриевна (литература), Бызова Варвара Григорьевна (физика)

Кнопки на стуле, мокрые тряпки на верху двери, которые валились на голову учительницы при входе в класс, и ещё множество всем известных мелких хулиганств. Как Татьяна Ефимовна терпела наши выходки, непонятно...

Закончилось всё это случаем, в котором мне Судьба отвела главную роль. В то время я зачитывался сибирским писателем-охотником Александром Александровичем Черкасовым, жившим и творившим во второй половине XIX века. Читая его «Записки охотника Восточной Сибири», особо увлёкся главой о самоловах и всяких насторожках для промысла зверей. Дома изготовил маленький лучок со стрелой, а к ним – элементарное спусковое устройство «заднешь нить – вылетит стрела». И принёс всё это в класс. Во время перемены насторожил лучок на учительском столе, направив так, чтобы стрела нацеливалась в дверь примерно на уровне пояса среднего ученика. В классе находилось человек 5-6, внимательно следивших за процессом. Кто-то из ребят, решив усилить эффект, зажал очень мокрую тряпку над дверью. Мы ждали кого-нибудь из парней, время от времени забегавших в класс. Или девчонку. Но... внезапно зашла первой маленькая англичанка...

Итак, дверь открылась. Сверху на пышно кудрявую голову Татьяны Ефимовны шмякнулась мокрая тряпка. Учительница непроизвольно вскинула руки вверх, защищаясь от тряпки, и в этот момент в её кофту в районе мощной гру-

ди впиалась тонкая стрелка... Маленькая стрелка совершенно не пробила шерстяную кофту, не оставила ни малейшей царапины, но... В школу вызвали маму... дома были женские слёзы, привычные слова, что я отбился от рук и т. п...

Перед Татьяной Ефимовной я, конечно же, извинился.

Прочие науки

Прекрасная учительница Варвара Григорьевна Бызова учила нас физике. На её уроках было очень интересно. Как-то так получалось, что всё становилось совершенно ясным, несмотря на сложные понятия и формулы. Хотелось знать больше и больше.

Кроме классической физики, Варвара Григорьевна обладала глубокими знаниями прикладных наук. В то время, время первых космонавтов, было огромное увлечение всем, что связано с космосом, космонавтикой, будущим освоением Луны и планет солнечной системы; нам казалось, что это произойдёт уже завтра.

И я, конечно же, увлёкся физикой. В домашней библиотеке были два тома «Занимательной физики» Якова Исидоровича Перельмана, издания 1913 и 1916 годов, и том «Занимательной математики» того же автора. Отец рассказывал, что Перельман в 1920-е годы преподавал астрономию курсантам ВМУ имени Михаила Васильевича Фрунзе, где в то время учился отец. Получилось, что мой отец учился у самого Перельмана! Вот откуда у отца эти учебники! Испытывая двойной интерес к физике, зачитал оба тома этой науки «до дыр». Очень скоро я понял, что и наша Варвара Григорьевна когда-то училась именно по этим книгам. Как-то на уроке Варвара Григорьевна рассказала нам, что Перельман умер от

истощения во время блокады Ленинграда, весной 1942 года.

Через много лет, уже перебравшись с Северного Флота в Ленинград, гуляя всей семьёй в выходной день по улице Васи Алексеева, я узнал в пожилой женщине, идущей нам навстречу, Варвару Григорьевну. Поздоровался. И ведь признала меня любимая учительница! Даже фамилию вспомнила! Разговаривали минут пятнадцать. Обо всём помаленьку. Разошлись, улыбаясь неожиданному, но понимая, что больше не встретимся...

...

Ванда Мечиславовна Иванович преподавала нам историю и обществоведение. К большому сожалению, у меня в памяти не осталось воспоминаний о ней, разве что её тихие шаги и проникновенный неторопливый голос. Учительниц химии и биологии я даже внешне не припомню, а к химии – как к предмету учёбы – почему-то всегда испытывал сильную неприязнь.

Про биологию помню, как в 9-м классе нам выдали задание описать какой-нибудь биологический феномен и представить это в письменном виде, с возможными рисунками, чертежами и своими выводами, если они будут. Все ученики что-то прочитали, написали, нарисовали... Конечно же, первоисточниками нам служили исследования учёных из популярных научных журналов «Наука и жизнь», «Знание – сила» и тому подобных.

В своей работе я с удовольствием поведал о соколиных

птицах, их гнездовании, молниеносном полёте, характерном ударе сокола, способах применения ручных соколов на охоте, о своих встречах с дикими соколами в черте города Ленинграда. Получил, конечно же, отличную отметку.

Но более всего учительнице, да и всем нам, понравилась работа Олега Таирова, который написал целый трактат об удивительной коже дельфина, которая позволяла ему не только развивать огромную скорость, но и чувствовать себя в водной стихии совершенно комфортно! Это исследование-сочинение Олега биологичка потащила куда-то на городской конкурс подобных работ, где работа Олега заняла одно из призовых мест.

...

Классная руководительница Цибизова Маргарита Викторовна по кличке *Маргоша Шапокляк* учила нас математике. По непонятным для меня причинам она с первых дней сильно невзлюбила меня, а я отвечал ей взаимностью. Часто вызывая меня к доске, она придиралась и ставила мне плохие отметки. Дошло до того, что я сначала перестал готовить домашние задания, а потом – просто прогуливал её уроки:

– Всё равно больше «пары» не получу! А то и «кол» огребу!

За мои прогулы Маргоша вызывала в школу маму и рассказывала ей дикие истории про моё поведение. Как правило, после домашних разборок я снова начинал посещать её уроки, даже как-то раз, прочитав у того же Перельмана в тоненькой книжонке «30 приёмов устного счёта» про быстрый

счёт, удивил её донельзя, очень быстро что-то перемножив. Однако, удивившись, Маргоша тут же проверила мою тетрадь, где не было сделано домашнего задания, и... тетрадь полетела к двери, размахивая листиками, словно крыльями. Вслед за тетрадью и я был изгнан из класса, в очередной раз.

Маргоша и не догадывалась, как мне было наплевать на неё, да и на всё остальное, потому что в это время тяжело умирал отец, мой самый любимый человек на свете...

Школьное репетиторство как способ создания семьи

Рассказывает Галина Аникина (в школьные годы – Андреева):

– Ученики, пришедшие в новую школу из разных других, имели разный уровень знаний. Особо отстающих, среди которых числились Толя Жуков, Саша Дубовицкий и Володя Васильев, надо было как-то подтягивать, хотя бы до какого-то средне-низкого уровня. Однако в те годы с репетиторством были некоторые сложности, да и не всем семьям оно было по карману. Поэтому решением общего собрания класса к слабым ученикам прикрепили наиболее сильных, в виде взаимопомощи. Так сложились пары: ко мне был прикреплен Толя Жуков, к Свете Закс – Саша Дубовицкий, к Тане Ануфриевой – Володя Васильев.

К сожалению, Толе и Саше это не помогло, они ушли в вечернюю школу.

Образовавшиеся в школе супружеские пары: Васильев Володя и Ануфриева Татьяна; Светлана Закс и Саша Дубовицкий

В середине десятого класса тяжело заболела и не могла ходить в школу всё второе полугодие Лариса Бердник. Несколько девушек, распределив школьные предметы между собой, успешно занимались с Ларисой по текущему материалу; учителям оставалось только контролировать. Лариса успешно закончила десятый класс, а затем и школу.

Чрезвычайно интересно, что в двух случаях взаимопомощь дошла до таких высот, что сложились супружеские пары, прожившие вместе всю жизнь!

Национальные особенности производственного обучения

Поскольку наша школа была с производственным обучением, все мы – ученики – работали на разных производствах. Парни из нашего класса, а также некоторые из параллельных классов – на «Судостроительном заводе имени А.А. Жданова» (ранее «Путиловская верфь»), теперь – Судостроительный завод «Северная верфь»).

Мы – ленинградцы – называли завод кратко, просто и привычно: «Ждановский». Работали мы в инструментальном цехе № 12, готовились стать токарями, фрезеровщиками, слесарями-инструментальщиками. Мы старательно сверлили, точили, шабрили, резали, затачивали, притирали, обрабатывали края, снимали фаску и выполняли ещё множество других операций с металлом, изготавливая различные детали, необходимые для судостроения. Девушки постигали профессии швеи (в специальном помещении школы), ткачихи (на фабрике у Нарвских ворот) и работника торговли за прилавком, а некоторые тоже, как и парни, работали на «Ждановском заводе», например, Галя Авинкина, которая обучалась на *плазового разметчика*, не забывая и свою любимую музыку.

Нам нравилось на заводе, но, поскольку мы были ещё и молодыми балбесами, ни дня не обходилось без приключе-

ний. Первым делом мы принялись за изготовление ножей, кто какие хотел: финки, кинжалы, маленькие перочинные, столовые... даже заточки, благо металлических заготовок вокруг было завались. И, конечно же, нас тут же «накрыл» на месте преступления старший мастер. Собрал всех в кучу и объяснил, при помощи отборного заводского мата, *Правду Матку*. Запугал нас так, что мы даже думать о холодном оружии забыли.

Как-то раз, Валерка Шелевахо, который в новой школе попал в параллельный класс, закрепляя сложную деталь в тиски, ухитрился заодно зажать себе и мужские «особенности». Когда заоравшего от боли бедолагу освободили, вызвали медсестру, оказавшуюся юной девушкой, сразу пожелавшей тщательно осмотреть травму на теле пострадавшего. Когда её просьба дошла до стонущего Валерки, он, хромя и придерживая рукой то самое место, смылся из цеха в неизвестном направлении. Мы хохотали так, что явился старший мастер и, разобравшись в обстановке, присоединился к нашему хохоту, а потом увёл пунцовую медсестру прочь из цеха.

В другой раз, во время обеденного перерыва, мы – пятеро искателей приключений на свои задницы – создали плот из деревянного хлама, негодных досок, слегка скрепив обрывками гниловатых верёвок, и выплыли на просторы заводской акватории, решив посмотреть поближе на строящиеся военные корабли. Гребли мы обрезками досок и палками. Через

10 минут наше выдающееся плавсредство развалилось. Конец ноября в Ленинграде теплом не баловал. Погрузившись в ледяную и грязную портовую воду, мы – кто как мог – поплыли к берегу. Нас отделяло от твёрдой земли метров сто. Плыть в тяжелеющей мокрой одежде было нелегко... Хорошо, что все умели плавать, поэтому приключение закончилось без потерь. Старший мастер, снова показав искусство русского мато-образования, привёл нас в сушилку, где мы в течение нескольких часов приводили себя в порядок.

До «Ждановского завода» мы добирались на трамвае № 36, который, как нам казалось, ходил по этому пути всегда (между прочим, и теперь всё ещё ходит, только вагоны стали современными). В один их зимних дней, выходя их проходной, мы увидели трамвай, заканчивающий поворот на кольце и уже набирающий ход после остановки. Задняя дверь второго вагона была открыта, наверное, по причине неисправности. В дверном проёме дружно и призывно махали ребята, успевшие раньше нас выйти за заводские ворота. Мы помчались догонять трамвай. Слегка замешкавшись на старте, я немного отстал. Из последних сил догоняя трамвай, уже почти касаясь дружеских рук, я поскользнулся и, брякнувшись, заскользил на спине под колёса. Кое-как сообразив, резко поднял ноги вверх и, ударившись подошвами ботинок о борт поворачивающего по кольцу вагона, отлетел в сторону... Смеющиеся рожицы друзей скрылись за поворотом, а я, полежав немного, встал, отряхнулся и поковылял к оста-

новке. Богиня Судьбы, если она есть, сжалилась надо мной в очередной раз...

В конце производственного обучения, после несложного практического экзамена, мы получили свидетельства о присвоении нам профессиональной квалификации. Я получил квалификацию слесаря-инструментальщика 2-го разряда. И вот что интересно: не смотря на то, что я не стал слесарем, навыки, полученные мной на «Ждановском заводе», очень пригодились в жизни, как на военной службе, так и дома.

Друзья – товарищи

К 10-му классу у меня появились близкие школьные друзья: Виталик Тупицын и Олег Таиров. На всех уроках мы сидели за одним столом, то с Виталькой, то с Олегом.

Виталий Тупицын и Олег Таиров

Олег хорошо учился, у него была мечта стать или биологом, или геологом. Когда я закончил службу на Северном Флоте, и наша молодая семья перебралась в Ленинград, к нам в гости зашли Олег Таиров с женой. Посидели, поговорили. Конечно же, о школьных годах, о товарищах, о судьбе тех одноклассников, о которых знали. Оказалось, что к этому времени Олег уже защитил диссертацию. Было заметно, какими любящими глазами смотрела на него жена, и мне стало ясно и приятно, что «тылы у Олега крепкие».

Виталий учился, как и я – шаляй-валяй: мог спокойно не приготовить домашнее задание, были у него любимые предметы, но были и нелюбимые. Маргоша его тоже недолюбливала. Он был верным товарищем: когда в начале 11-го класса я сильно просудился и заболел, Виталик навещал меня каждый день, рассказывая, что творится в школе.

Девчонки

Девчонок у меня в друзьях не было. Откровенно говоря, я их очень стеснялся. К этому времени в классе сложились пары. Кроме тех двух пар, о которых было упомянуто ранее, была ещё одна пара, сразу после выпуска создавшая семью: Галя Клименчук и Володя Ткаченко. К сожалению, совместная жизнь этих симпатичных молодых людей продлилась недолго: их семья распалась...

Володя Ткаченко и Галя Клименчук. Лариса Бердник и Таня Бугрова

Некоторые девушки вышли замуж сразу после школы, например, Бугрова Татьяна, которая уехала с мужем в Москву.

Особо выделялась группа девушек-подруг; вшестером они пронесли верную дружбу через всю свою жизнь.

Иногда эта группа приглашала одноклассников к себе, на одну из квартир, потанцевать, поговорить, обсудить новинки литературы, опубликованные в очень популярных журналах «Юность», где печатались Белла Ахмадулина, Юлия Друнина, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Юнна Мориц, Геннадий Шпаликов, Василий Аксёнов, Даниил Гранин и другие талантливые авторы, в то время ещё довольно молодые люди.

Однако не помню, чтобы на этих мероприятиях употреблялись спиртные напитки.

Вино. Первые пробы

Кроме школьных друзей у меня были и друзья по двору, что вполне понятно: мы вместе играли в хоккей и футбол, гоняли на великах, ныряли в прудах на Броневой, пили квас и пиво... В питии спиртных напитков у меня был неудачный опыт в Румынии, в пятом классе, когда с румынскими мальчишками я глотнул крепкую *цуйку* – румынскую водку. А вот вино я впервые попробовал с друзьями по ленинградскому двору, наверное, классе в восьмом.

Верные подруги, сверху: Совцова Наталья, Андреева Галина, Авинкина Галина; внизу: Ануфриева Татьяна, Зайцева Галина, Кудасова Татьяна

Как-то раз мы с «одnodворцами» Андрюхой Калининым и Мишкой Гернером ловили речных миног в речке Стрельнинке. В то время миноги во множестве заходили в ручьи и речки из Финского залива, особенно в весеннее время. Добирались до речки на трамвае № 36. Взяли с собой большой бидон, еду, а Андрюха прихватил бутылку портвейна «33». Миног было множество, и бидон довольно быстро наполнял-

ся. Ловить их руками было легко. Можно было бы ловить и ещё, но, внезапно увидев под кустом труп мёртвой собаки, покрытый крупными присосавшимися и шевелящимися миногами, ловить больше не захотелось. Хотели даже выкинуть пойманных миног, куда подальше, но потом передумали.

Сидели, греясь на скупом ленинградском солнышке, ели бутерброды и обсуждали ловлю. Андрюха, достав бутылку, предложил отметить удачную рыбалку. Как большие мужики, разлили портвешок по стаканам и... махнули за два раза всю ёмкость. Через пять минут мы стали веселы и смелы, захотели вытащить труп собаки на берег, чтобы не отравлял чистую воду речки. Через полчаса на нас снизошли печаль и тоска... мы вдруг так устали, что заснули прямо на берегу, рядом с раскиданными вещами...

После этой вылазки мы долго не притрагивались к вину. Вернулись к этому процессу уже в 9-м классе, зимой, когда увлеклись посещением катка Кировского завода, у Нарвских Ворот. Андрюха каким-то образом нашёл «друзей» в доме на Нарвской площади. Мы втроём (у нас с Андреем в спортивных сумках «канады», у Миши – беговые с длинными лезвиями, у кого-нибудь бутылка «33»-го, или «777», или «Розового» портвейна) поднимались на третий этаж, где нажимали на кнопку звонка. Молча выходила пожилая женщина с тремя чистыми стаканами, раздавала их и также молча скрывалась за дверь. Мы разливали, разговаривая и перекуривая, выпивали, а пустую бутылку и стаканы ставили на стул

рядом с дверью, добавляя к этому несколько мелких монет. Ещё раз звонили и уходили, не дожидаясь появления женщины.

После этого шли на каток, куда проникали, перелезая через забор в известном месте, не освещённом фонарями. Всё происходило по известной поговорке болельщиков:

– *Стадион «Динамо», через забор и – тама!*

Вот только стадион был не «Динамо», а «Кировец». Этот стадион и каток старожилы Кировского района и Автово называли ещё и «Каучук», по старой памяти. Дело в том, что изначально – ещё с 1920-х послереволюционных лет все спортивные сооружения на этом месте принадлежали заводу резиновых изделий «Красный треугольник» и назывались спортивной базой «Красный химик». Перед самой Великой Отечественной Войной, начиная с 1939 года, стадион, каток, лыжная и гребная базы получили название «Каучук», которое существовало до 1950-х лет, после чего всё это хозяйство стало известно как Стадион Кировского завода, или «Кировец».

Перебравшись через забор, преспокойненько проходили в раздевалку, одевали коньки, прятали в сумки обувь и сдавали пальто, куртки и сумки. Иногда катались и в распахнутом пальто – так считалось более шикарно. Что мы вытворяли на многолюдном катке – это особая история. Представьте себе быстрых, вёртких и крепких молодых парней, выделывавших кренделя на льду, в одной руке зажжённая сигарета.

В то время среди молодых девчонок были в моде высоко начёсанные причёски, да ещё обильно сбрызнутые лаком. Нам – дуракам – казалось очень забавным, проносясь мимо приглянувшейся девушки, крутануться и, подскочив к девчонке с высокой причёской со спины, ткнуть сигаретой вглубь причёски. В запах духов и лака тут же вплетался запах тлеющих волос. Было много криков и визга. Иногда можно было и схлопотать от парней, с которыми девушки приходили на каток.

Так мы проказничали две зимы; в 11-м классе я с этим покончил: из-за болезни отца развлекаться не хотелось...

Об очень похожем начале употребления спиртных напитков в юном возрасте рассказал мне в 1972 году Михаил Московенко, когда проездом останавливался у нас в Североморске:

– Во время нашей учёбы в Нахимовском училище тоже была история раннего распития вина – и тоже портвейна «33» – в танцевальном кружке, в котором мы занимались со Славой Калашиниковым. Бутылку портвейна нам купил и принёс нахимовец старшего курса, который ранее обещал моей маме «приглядеть» за мной. Вот он и «приглядел!» Эту самую первую свою бутылку мы выпили на пятерых в Актовом зале училища, замаскировавшись спортивными матами. Был ноябрь 1959 года, т.е. нам было по 12 – 13 лет.

Последняя охота с отцом

Осенью 1963 года, когда я учился в уже в 11-м классе, мы охотились с отцом на охотничьей базе Военно-Морской академии, под местечком Мюллюпельто, расположенном на Карельском перешейке. Там была масса озёр, живописно обрамлённых камышами в мелководных заливах. На приглубых местах озёр высились скалы с ельником и берёзово-ольховыми перелесками. Осеннего перелёта северной утки ещё не было, но местной птицы вполне хватало.

Некоторые эпизоды этой охоты запомнились мне на всю жизнь.

Получив на базе лодку, мы вдвоём – я на вёслах – пошли к дальнему берегу длинного озера, где в мелководном заливе, по словам егеря, держалось много уток, жирующих перед отлётом на юг. По пути отец внезапно приказал мне:

– Суши вёсла! Замри!

Думая, что отец увидел уток, я, чуть подтабанив одним веслом, развернул лодку левым бортом вперёд, чтобы отцу было сподручнее стрелять. Но это были не утки: метрах в пятнадцати перед нами вплавь пересекал озеро... крот! Никогда, ни отец, ни я, не видели плывущего крота. Как он, почти слепой, мог передвигаться во враждебной для него среде? Как он мог ориентироваться? А плыл он очень быстро и шумно, что его и погубило. Кроту не хватило лишь па-

ры метров до прибрежных камышей, как раздался сильный всплеск, в фонтане брызг мелькнул пёстрый хвост крупной щуки, и жизнь бедолаги-крота трагически оборвалась...

Когда мы подошли к дальнему берегу, то сразу увидели подходящее место для ночёвки. Поскольку приближался вечер, мы успели поставить лишь несколько донок на выползка, а охотиться решили на рассвете, с «пропёшкой», которую отец поручил сделать мне. Вспомнив Румынию и наши с отцом охоты в Дунайских плавнях, я взял топор и быстренько вырубил подходящий крепкий шест, не заостряя концы, чтобы при упоре в вязкое дно он не застревал. Когда я принёс готовую «пропёшку» к костру, отец уже почистил несколько крупных окуней, пойманных на донки, и начинал варить уху в знакомом мне котелке из нержавеющей стали.

Ужинали в темноте. Время от времени позвякивали колокольчики на донках: рыба клевала хорошо. За крепким чаем отец разговорился. Сейчас, через много лет, я уверен, что отец разговорился, предчувствуя скорый уход: о своей жизни, о Великой Отечественной Войне, о смерти боевых друзей-товарищей, о героизме наших моряков, о том, как тяжело было в это время маме, которая в эвакуации на родине отца в Калининской области (отец всегда говорил – «в *Тверской губернии*») трудилась на лесоповале.

Потом отец направил разговор в сторону моей будущей жизни. Он говорил много душевных и правильных слов о Родине, о семье, о необходимости получить хорошее обра-

зование, о военной службе, о профессии военного моряка, о которой он мечтал с детства и посвятил ей всю свою жизнь... Мы сидели у костра очень долго, наверное, до полуночи. Шалаш строить не стали, а, завернувшись в офицерские плащ-палатки, улеглись на тёплый песок под костром, угли которого отгребли в сторону...

Спал ли отец, не знаю. Ещё в полной темноте он разбудил меня. Быстро глотнув по кружке чая с бутербродами, собрали ружья и, взяв патронташи, отчалили. Вёсла лежали на дне вдоль бортов лодки, а двигались мы исключительно на «пропёшке», тихо опуская шест в воду и стараясь не булькать. Чуть начинало светать, и отец решил немного подождать, а то в такой темноте можно было промахнуться по налетающим и взлетающим уткам, наделать подранков, которые погибнут зря, а отец этого не любил.

Охота задалась: уток было множество, они налетали с разных сторон, да и мы, «пропёхиваясь», поднимали иной раз сразу по несколько штук. Отец стрелял без промаха, делая один удачный выстрел за другим. Через час он поменялся местами со мной, и теперь уже я стрелял по уткам. Маленько намазал, но всё же результатами своей стрельбы был доволен. В общей сложности отец взял двенадцать крякв и трёх чирков-свистунков пятнадцатую выстрелами, а я – четырёх крякв и одного чирка-трескунка десятью выстрелами.

– *Всё! Шабаш охоте! Пора и честь знать!* – Весело командовал отец.

Всю обратную дорогу, пока ехали на автобусе до станции, потом на электричке до Ленинграда, затем в метро до станции «Кировский завод», отца не покидало хорошее настроение.

...

Это была последняя охота в его короткой, но такой богатой на события, жизни...

Несчастье в семье, школьные экзамены и институт

В декабре отца положили в Военно-Морской госпиталь, и он более из него не вышел... Всю зиму и весну отец тяжело уходил из жизни. У него была неизлечимая болезнь: рак лёгких. Врачи ничего не смогли сделать. Умер отец 5 мая 1964 года; было ему всего 54 года.

Смерть отца сильно подкосила нашу семью. Мы потеряли опору в жизни, не представляя ранее, что значил для нас отец. К школьным экзаменам я не готовился совсем. Более того, я даже не хотел на них идти. Мать и бабуля не знали, что со мной делать... И только школьные друзья, Виталий и Олег, уговорили:

– Ты только попробуй! Может быть, сможешь что-то ответить и написать: ведь ты всё-таки не так и плохо учился!

Почти все экзамены я сдал на тройки... но сдал. Четвёрки получил только по физике и английскому. Сочинение по литературе писал, как и всегда, на свободную тему, получив за него две пятёрки.

...

Почему я сразу не пошёл в Высшее Военно-Морское Училище, не знаю... Думаю, что меня просто подкосила смерть отца...

В то время почти все молодые люди, окончившие школу, стремились поступить в высшие учебные заведения. Большинство стремилось к знаниям, что было совершенно естественно! Советские люди были очень грамотными, начитанными. Поговорите сейчас (2022 год) с современными модными блогерами, к жизни которых так льнут подростки и молодые люди, желающие кривлянием перед видеокамерой огреть огромные деньги: бессвязная неграмотная речь, бесконечный хохот, невозможность выразить ни одной мысли, жесты и мимика, достойная шимпанзе или орангутанга, хотя, конечно же, уважаемых обезьян я не хотел обидеть...

Орнитологию в ЛГУ я отложил, как дело не серьёзное. А поскольку прилично рисовал, мне пришла в голову идея, что можно стать архитектором: проектировать разные здания, дворцы культуры, театры. И польза людям будет, и профессия интересная. Но подошёл я к этой задаче спустя рукава, не разобравшись в особенностях экзаменов. А вернее – лишь одного экзамена – рисунка. Позже оказалось, что всю зиму при факультете архитектуры функционировали курсы рисунка, на которых показывали и объясняли правильность техники нанесения теней, создания объёмов и пр., чего я, идя на экзамен, вообще не представлял. В первый день надо было изобразить карандашом верхнюю часть колонны, под названием «капитель». Быстрее всех завершив рисунок, я ушёл, гордый своей быстротой. Дурачок, который не понимал, что не в быстроте дело, а в умении.

Экзамен по рисунку длился два дня. На второй день нам представили гипсовую голову греческого бога Зевса. И снова, потрудившись чуть больше, я сдал рисунок преподавателю ранее всех. Через день вывесили результаты. Экзаменаторы были настолько строги, что даже четвёрок не было. Лучшими оценками стали тройки с плюсом. Проходными были даже двойки с плюсом. Моей оценкой быстроты исполнения стала двойка. Меня должно было удовлетворить, что были оценки и двойка с минусом, и даже «кол» с плюсом... Сдали экзамен по рисунку всего человек 10 – 12, из нескольких десятков.

Огорчённый, я пошёл в приёмную комиссию забирать документы. Мне предложили досдать два экзамена (химию и физику), и, если на этих экзаменах я получу в сумме не менее восьми баллов, то могу быть принятым на факультет ПГС (промышленно-гражданское строительство), по окончании которого буду строить заводы, фабрики, мосты, плотины, жилые дома и т.п. сооружения. Немного подумав, решил попробовать: а вдруг в дальнейшем можно будет перейти на архитектуру? Химию сдал, протащив на экзамен учебник, в котором удалось всё подсмотреть. Получил «трояк». На физике повезло отвечать на лёгкие для меня вопросы: сдал, можно сказать, с блеском, на «пятак».

Зачислили на факультет ПГС на специальность инженер-строитель. Когда первый раз появился в группе, с удивлением увидел там же одноклассницу по школе, Кудасову

Татьяну. На тот же факультет, но на другую специальность, поступил Виталик Тупицын. Порадовались, но и пожалели слегка, что не попали в одну группу.

Поначалу учёба меня увлекла, да и стипендия в 32 рубля была хорошим подспорьем для семьи, лишившейся кормильца. Надо сказать, что к этому времени мама устроилась работать техником в Светокопировальную мастерскую, а бабуля, вспомнив свою специальность портнихи, принимала «подпольные» заказы на пошив, перешив и ремонт одежды.

В учёбе меня увлекали только те науки, которые были связаны с изображением чего-либо: технический рисунок, начертательная геометрия, машиностроительное черчение и картография. В этом я чувствовал себя, как рыба в воде. Остальные предметы, особенно высшая математика, давались плохо, и, по школьной привычке, я их совсем забросил. Когда подошло время подготовки к экзаменам за первую зимнюю сессию, я получил зачёты только по английскому, черчению, рисунку и начерталке. Постепенно приходил я к единственно правильному для себя выводу: профессия инженера-строителя – не моя Судьба! Да и *«...перевод на архитектуру был невозможен»*; именно так мне объяснили в деканате.

Но как мне сказать об этом моим родным людям: маме и бабуле? Снова будут слёзы, расстройства... И я соврал. Соврал, сказав, что экзамены сдал успешно. И уехал на родину отца, в Тверскую губернию, к его брату, а моему дяде Сергею

и его жене тёте Наташе. Уехал на охоту, с ружьём и лыжами. На две недели.

Не буду описывать, какие приключения там я испытал, может быть, в будущем я напишу серию охотничьих рассказов, где и опишу те события. Но вот что меня терзало постоянно, так это вопрос:

– Как же объяснить мой ужасный поступок, такое чудовищное враньё, моим самым родным и близким людям?

«Стройбат»

К моменту возвращения в Ленинград мама и бабуля всё уже знали... Более того: на столе меня ждала повестка из военкомата, призывающая незамедлительно прибыть для прохождения военной службы, как военнообязанного, исключённого из высшего учебного заведения с военной кафедрой.

Всего через несколько дней я уже трясся в поезде «Ленинград-Москва» на юго-восток, вместе с другими отчисленными из ленинградских институтов неудавшимися студентами, а также с великовозрастными молодыми людьми, которым несколько лет удавалось избежать призыва.

Некоторым было уже по 28 лет; их «рекрутировали» на самом пределе призывного возраста. Именно они организовали всеобщую пьянку в поезде, а вернее – в двух хвостовых вагонах, в которых разместилось более девяноста будущих «бойцов строительного фронта», целая рота. Мы уже знали, что служить будем в Саратове, в «*стройбате*», поэтому в Москве предстояла пересадка.

Выехав ранним утром, пассажирский поезд тащился к Москве медленно, как черепаха, подолгу застревая на каждом полустанке для пропуска встречных скорых и даже товарняков. Из вагонов нас не выпускали, но у многих «с собой было». Пьянка продолжалась весь день. Наш старший –

офицер в чине капитана – маленький, кривоногий, в мятой шинели, за день «накушался» так, что стоять не мог. Далее до самого Саратова нами командовал в меру трезвый пожилой старшина.

Когда поезд наконец-то добрался до Москвы, некоторых «вояк» с трудом добудились. Выбравшись из вагона, под руководством старшины построились и, подхватив под руки капитана, кое-как двинулись к станции метро «Комсомольская». Прокатившись всей толпой в метро, через три остановки вышли на станции «Павелецкой». До Павелецкого вокзала было совсем близко, каких-нибудь 300 метров, но тащились мы полчаса: всё время кто-то отставал, кому-то надо было купить сигарет, или «оправиться», да и наш капитан совсем скис. На перроне нас встречала целая бригада сотрудников во главе с начальником поезда. Старшина с трудом, шаря по капитанским карманам, нашёл нужные документы, и нам разрешили погружаться в вагоны. Как только разместились, поезд тут же и тронулся. Колёса на стыках привычно застучали.

...

Сейчас, когда я пишу эти строки, тут же вспоминается рассказ моего товарища-приятеля Александра Венерова, на эту же тему. Интересно, как похожа была и у него история переезда новобранцев. Саша был призван для прохождения службы на Северный Флот, где служил в городе Полярном, на базовом тральщике «Коломенский комсомолец», на ко-

тором, по его словам, была собрана *«отличная команда отличных голубоглазых моряков во главе с отличным голубоглазым командиром»*.

Так вот, и у него точно также, при перелёте новобранцев на СФ, их временный командир, капитан-лейтенант в годах, так напился, что самостоятельно идти не мог, и его несли на плечах два дюжих парня-новобранца. Наверное, Сашина история ещё более увлекательна, так как ребятам, имея на плечах такой ценный, но совершенно бесчувственный груз, пришлось самостоятельно узнавать дорогу, нужный автобус, а потом и рейсовый катер, собирать вскладчину деньги на билеты, включая и недвижимого командира. По пути следования надо было объясняться с патрулями, а также с начальниками всех степеней и рангов, отвечая на сложный для понимания вопрос, кого же это они несут, а ещё и двигаться правильным строем...

Однако все новобранцы благополучно добрались до воинской части, где и отслужили верой и правдой положенный срок!

...

Спальное помещение роты представляло собой длинный одноэтажный деревянный барак, плотно набитый двухъярусными железными койками с тумбочками между ними. Рота состояла из взводов, взводы – из отделений. Взводных командиров в лице офицеров не было, их заменяли зкв в чине сержантов и старших сержантов, назначенных из числа ста-

рослужащих по третьему году службы. Для них было отведено отдельное помещение, называемое *сержантской комнатой*. Нам, первогодкам, повезло, так как кроме сержантов, старослужащих в роте не было: все были на равных. Но всё равно мы представляли собой пёструю массу, возрастом от 18 до 28 лет. Может быть, именно поэтому драк между нами и рукоприкладства со стороны старшин не было.

Командиром роты был очень старый – так мне тогда казалось – майор, лет 50-ти, худощавый, среднего роста, полностью седой. Орденские планки на его кителе рассказали нам о том, что он геройски воевал в Великую Отечественную. Наша рота входила в число четырёх таких же рот, составлявших батальон. Командир батальона, также майор, был значительно моложе нашего командира роты. Распределив личный состав по отделениям и взводам, командир роты собрал всех в клубном помещении батальона и разъяснил, чем мы – новобранцы – будем заниматься. Сначала мы пройдем ускоренными темпами – работа не ждёт! – «Курс молодого бойца», из которого нас лишь *«краешком коснутся»* строевая подготовка, Уставы внутренней и немного караульной службы и... всё! Стрелять мы не будем, а после принятия Присяги сразу начнём работать на разных объектах, в основном – на постройке моста через Волгу, строительстве большой котельной и жилых зданий Саратова.

Все ротные бараки стояли параллельно друг другу. С одной торцовой стороны был обширный утоптаный участок,

представлявший собой нечто вроде плаца с асфальтированным прямоугольником 100 на 50 метров для строевой подготовки и общих построений батальона. С другой торцевой стороны был устроен стадион с футбольным полем, воротами, беговыми дорожками и местом для гимнастических снарядов, прыжков и метаний. В стороне были размещены склады, столовая, здание для офицеров, клуб и магазин. Галльон был на улице, общий для всех рот, в виде длиннющего дощатого строения, сооружённого над глубокой канавой. Над канавой был сделан «насест» с выпиленными в досках отверстиями-«очками». Если посмотреть в дырку-«очко», то можно заметить, кроме того, что там обычно лежит, ещё и множество снующих туда-сюда крыс, огромных *пасюков*. Ходила легенда, что однажды особенно большая крыса – крысиный царь – подпрыгнул, вцепился острыми зубами в мужские причиндалы, и повис, злобно шипя. Можно представить себе весь ужас для бедолаги «стройбатовца»...

Всего за две недели мы прошли «по диагонали» краткий курс молодого бойца, затем нас построили, весь батальон. Наша рота стояла в центре, в две шеренги. Вызванный из строя замполитом батальона первогодок стройбатовец, обладавший громким голосом, вразвалочку вышел из строя, принял листок с текстом Присяги у замполита, развернулся к строю лицом, громко проорал текст присяги и, вернув листок замполиту, снова стал в строй. Мы по очереди выходили и молча (!) расписывались против своей фамилии в спис-

ке. При этом одеты мы были не в парадное обмундирование, а в обычные ватники с погонами. Как нам объяснили старослужащие, парадной одежды для «стройбатовцев» они и не видывали, возможно, её вообще не существовало.

Каменщик, копатель, редактор, футболист, мастер «тату»...

Поначалу мы с Геной, отчисленным студентом Ленинградского Государственного педагогического института имени Александра Ивановича Герцена (ЛГПИ), были поставлены на подсобные работы в бригаде опытных каменщиков, настоящих мастеров кладки стен из кирпича. Мы носили им кирпичи и раствор. Начали мы с трёх кирпичей, а уже через месяц взлетали по мосткам на четвёртый этаж, легко неся по восемь штук. Одновременно учились и особенностям кладки: сколько на кельму брать раствора, какой стороной кирпич сподручнее класть и прижимать, как правильно расколоть кирпич и т.п. Работа завлекательная, если к ней отнестись с интересом. Интерес у нас был, поэтому нам иногда доверяли класть *забудку*, заполняя битым или «б/у-шным» кирпичом пустоты между фасадной и внутренней сторонами стены.

Но перейти на серьёзную работу каменщиками нам не привелось: были переведены на копание огромных и глубоких ям под заливку их бетоном. Создавался фундамент котельной для отопления целого района Саратова. Почва глинистая, копать было очень трудно. Экскаваторов не было, очевидно, на нас сэкономили. Тогда шутили, что дешевле прислать роту «стройбатовцев» с лопатами, чем один экска-

ватор.

Эта работа поначалу сильно выматывала, но через несколько дней мы привыкли, и, стоя по щиколотку в мокрой густой глине, кидали её выше на очередную ступень, где такие же ребята отправляли её ещё выше... и так далее...

Кроме основной работы, я занимался *ещё двумя направлениями деятельности*, если можно так сказать. Это были ротная стенгазета и футбол. Ещё когда мы – новобранцы – были построены первый раз, командир роты спросил, кто может хотя бы маленько рисовать. Вышли из строя мы с Генной. Так я стал редактором, а Гена – помощником редактора. Потом уже Гена мне признался, что вышел из строя, желая получить должность, чтобы не очень «вкалывать». Но «не срослось»: пришлось весь день тяжело «вкалывать», а потом – когда у всех, не умевших рисовать – было свободное время, старательно изобретать ротную стенгазету. Иногда и в ночное время: приближался батальонный конкурс ротных газет. За идеологическим содержанием публикаций и рисунков внимательно следил батальонный замполит. Он очень рьяно этим занимался, поэтому все ротные газеты получились совершенно одинаковыми. Первое место присудили нашей газете, потому что я нарисовал в левом верхнем углу голову вождя мирового пролетариата. Ленинская голова получилась как живая, душевно улыбалась, как будто призывая «стройбатовцев» к новым трудовым подвигам по рытью особо глубоких ям. Кстати (или некстати), за месяц до нашего

прибытия в Саратов в такой же ямине был завален насмерть несчастный «стройбатовец»...

В тот же памятный день моего назначения редактором, один из зкв на вечерней поверке велел выйти из строя тем, кто раньше играл в футбол. Вышло человек 10. Зкв увёл нас в «сержантскую» и пояснил, что теперь мы будем проверяться на мастерство владения мячом. Испытания выдержали пятеро, в том числе и я. Нас взяли в ротную футбольную команду и выдали бутсы, которые я раньше и в руках не держал. Они были сильно поношены, но шипы поставлены новые, да и размер мой, поэтому я был очень доволен. Сержант – он же и капитан команды – сообщил, что футболки и трусы выдадут перед игрой. Приближались игры на приз батальона с ротными командами, нечто вроде зимнего чемпионата, поэтому предстояли тренировки на сыгранность новичков, чтобы определить, кто в каком качестве выйдет на поле. Поначалу меня поставили в полузащиту. И уже на третий день состоялся официальный матч с соседней ротой. Выданные футболки и трусы мы надели прямо на гимнастёрки и брюки-галифе, и наш преображённый вид был очень забавен. Мы выиграли со счётом 12: 7. По счёту видно, насколько неважные вратари были у обеих команд... явно не Яшины. Наш футбол несколько напоминал регби: силовые приёмы были очень даже в ходу. Из-за этих силовых стычек с «костоломным» исходом, в футбольных командах была сильная текучка. Не избежал этого и я: уже на втором матче моя ка-

рьера футболиста окончилась. В команде соперника был ну просто огромный человек-грузин по имени Сандро, который проходил через нашу защиту, как нож сквозь масло. Так случилось, что на его пути оказался я... и ещё хорошо отделался: всего-то сильным вывихом плеча. Правда, очень болезненным. Играть я не мог, был заменён другим футболистом, пока ещё здоровеньким. Однако и лопатой махать я тоже не мог, несколько дней провёл в казарме, занимаясь исключительно ротной газетой и дежурством по роте «через день на ремень».

Когда я стоял очередной раз у столика дежурного, ко мне подошёл старослужащий зкв и, слегка смущаясь – что было совершенно на него не похоже – спросил:

– *Сможешь нарисовать на моём плече русалку?*

– *Так точно, но... зачем?* – Ответил я вопросом на вопрос.

– *Это тебя не касается...* – несколько замялся он, однако всё же пояснил, почему-то шёпотом, при этом поглядывая на входную дверь:

– *В соседней роте есть мастер, который потом наколет на моём плече татуировку поверх твоего рисунка, усёк?*

Конечно же, до меня дошло, и я даже усёк. Но ведь это строго запрещено в армии, могут сильно наказать, даже отправить в *дисбат*... Что же делать? А может, всё же рискнуть: интереснее служба-то пойдёт, с приключениями... И я решился!

После первой большегрудой русалки с чешуйчатой задни-

цей, переходящей в рыбий хвост, изображённой мною химическим карандашом на плече у зкв, и довольно живописно наколотой мастером «тату» из соседней роты, заказы посыпались валом. Я не успевал малевать на плечах, бёдрах и груди старослужащих «стройбатовцев» совершенно одинаковых русалок, футболистов, почему-то якоря, колоды карт, цепи, парусники, и ещё много чего... Поскольку процесс нанесения рисунка на живое тело происходил в том же помещении, где работал и мастер «тату», я наслышался таких стонов и забористого мата от «накальваемых», что сам и не помышлял о подобном издевательстве над своим телом. Так это всё и шло некоторое время, вполне спокойно, пока кто-то из желающих не захотел занять на своей широкой груди картину из четырёх известных в то время профилей: Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Владимир Ленин и Иосиф Сталин. И впал я в ужас!.. И попытался объяснить этому желающему, что в рисунках русалок и футболистов нет индивидуальности, поэтому при накальвании мелкие неточности не имеют существенного значения; другое дело всем известные лица, которые нельзя искажать, а это непременно произойдёт при наколке. Но, сколько я ни старался, «заказчик» был непреклонен... В тот момент я явственно почувствовал, что *дисбат* стал со мной рядом, даже взял меня за руку... Однако куда я мог деться супротив старослужащих, внезапно вспыхнувших тягой к высокому искусству?!

Как ни странно, мастер «тату» постарался, и лица тео-

ретиков и практиков марксизма-ленинизма получились более-менее похожими на оригиналы. Очередь желающих немедленно поместить «картину с вождями» на свою грудь выстроилась на много часов работы. Поэтому нам с мастером пришлось работать всю ночь. К утру у нас силы иссякли, руки дрожали, глаза туманились и, в конце концов «замылились», перестав замечать как мелкие неточности, так и серьёзные просчёты. И мы с мастером, при массовом «производстве» в тяжёлых условиях, такого «накосячили»... Так, вместо Владимира Ильича, который должен был быть третьим, я нарисовал Иосифа Виссарионовича, которых в результате получилось два... Уставший мастер «тату» этого не заметил и наколол, как было нарисовано. Когда «заказчик» – а им оказался самый «древний» старослужащий в звании старшего сержанта – отлежавшись после болевого шока, посмотрел в зеркало на красоту неопишемую, то сразу хотел бить нам морду, но не смог до нас добраться, так как помещение было заполнено рыдающими от хохота старослужащими...

Это была последняя картина, исполненная мной и мастером «тату» в городе Саратове. Наутро несколько «окартиненных» стариков обратились в санчасть за помощью от нестерпимой боли в татуированных местах. Замполит стал искать зачинщиков и исполнителей. Как командование и замполит ни свирепствовали, ни один из «раскрашенных» дедов нас не выдал... Замполит пару месяцев посматривал

на меня как-то изучающе-пристально, но – тем и окончилась эта история.

«Сыч», чифирь и одеколон

Был у нас в роте «стройбатовец» по прозвищу «Сыч», с тюремным прошлым, о чём «сообщал» красивый маяк, наколотый на предплечье правой руки, а также наколка на пальце левой руки в виде затемнённого перстня, сверху перечёркнутого наискось светлой полоской. Наколки были нанесены настоящими мастерами, не то, что получалось у нас. С таким типом людей мне до этого встречаться не приходилось. Сыч каждый день пил *чифирь*. Именно так он произносил название напитка – с мягким знаком на хвосте. Без ежедневного распития этого крепчайшего кипячёного чая он просто не мог жить. Похоже, у него была к нему наркотическая зависимость. Каждодневно, перед обедом, он уединялся где-нибудь на задворках стройки или за гальюном, если ветер в тот день тянул не от пахучего рва; там у него были приготовлена пара кирпичей, поставленных *ложком* либо *тычком* на третий кирпич или просто на любой *постелитый* камень; на этих кирпичах он аккуратно размещал два ржавых обрезка арматуры, сверху ставил большую закопчённую жестяную кружку с водой. Костерком служили щепки, стружки, обрезки... всё деревянное, что давало огонь. Когда вода закипала, Сыч доставал газетный кулёк с чёрным листовым чаем, отсыпал на грязную ладонь ложки три заварки, и засыпал на поверхность кипящей воды, тут же накрывая

кружку крышкой от бидона. Кружку Сыч сразу снимал и минут десять ждал, мечтательно обзревая окрестности. При этом никаких разговоров он не вёл; он вообще был нелюдим, оправдывая своё прозвище. После ожидания Сыч фильтровал чай, пропуская его через самодельное ситечко, и мелкими глотками употреблял, блаженно расслабляясь после каждого глотка... Уже через короткое время Сыч оживлялся, начинал интересоваться окружающим миром, смеялся шуткам, с аппетитом обедал. Но проходило несколько часов, и Сыч снова превращался в сыча...

Как-то раз я, воспользовавшись его хорошим настроением после употребления чифиря, спросил про значение наколок.

– *Да это х-ня, на кой тебе знать-то?* – Таков был его ответ. Однако через несколько минут он всё же пояснил:

– *Маяк – это мечта о Свободе, о свободной жизни... пока на нарах паришься... А «пальцовки» накалывают разные, чаще всего перстни. Вот этот, у меня который, просто говорит всему окружению, что я свой, что я был в местах лишения Свободы.*

А, помолчав, хитро улыбнулся и добавил:

– *Вы чего накололи-то на стариках-мудаках? Русалок... это ж надо придумать такое... Ну, вы-то накололи, это ладно, а сами-то пиндосы-старики и не в курсе, что это обозначает? Ха-ха-ха!* – Ржал Сыч.

Чтобы побыстрее закончить ставший отчего-то неприятным разговор, я не удержался и попробовал чифиря. Глот-

нув, из вежливости выдержал пару минут, делая вид, что мне понравилось, а потом, отойдя за угол, долго отплёвывался. Но с тех пор всё-таки полюбил крепкий горячий чай, правда, не такой, как у Сыча, а нормально заваренный.

Ещё одной «особенностью» Сыча была его страсть к одеколону. Не подумайте, что он им обрызгивал свою буйную головушку и всякие другие места, он его... употреблял внутрь! Когда я увидел его у тумбочки, наливающим в кружку одеколон «Цветочный», первое, что я подумал, было:

– Не сошёл ли он с ума?!

Как бы отвечая на мой вопрос, Сыч привычным жестом раскрутил в кружке сильно пахнувший напиток и, громко выдохнув, опрокинул его в свою пасть...

Бунт

Ближе к весне почему-то кормить стали хуже, хлебная порция уменьшилась вдвое, картошки в виде пюре выдавали пару ложек на порцию. Бачковые ничего не могли сделать: так мало им «наваливали» на камбузе. Среди ребят пошли разговоры о воровстве хлеборезов, которых всегда работяги ненавидели. Как-то раз в четверг, придя с тяжёлой многочасовой работы по выборке сложного глинистого грунта, мы получили на ужин по ложке пюре с маленьким кусочком жареной рыбы; всей еды на один глоток молодому организму... Сыч первым отказался есть, демонстративно отставив тарелку и мрачно пробормотав:

– Робыты! Голодом нас морят! После тяжёлой лопаты с такой едой сдохнем! Бунтовать надо!

И мы, все как один, отказались есть. Но с мест не сходили. Это было ЧП!!! Набежали: командир роты, замполит батальона, начальник столовой, батальонный комсомольский вожак... Мы продолжали сидеть! Вызвали комбата. Он вбежал в столовую весь в поту, с трясущимися губами: за наш бунт и отказ от еды его могли турнуть из армии, испортив военную карьеру.

Комбат, пошептавшись с руководством пищеблока и замполитом, вытер лоб рукавом тужурки и громким голосом, в котором явно слышались просящие нотки, обратился к нам:

– *Товарищи военные строители!* – Так он никогда нас не называл.

– *Через полчаса вам раздадут полноценный ужин, двойную порцию. Виновные в уменьшении порции еды будут сурово наказаны! Просьба командования – не паниковать и бунт прекратить!*

А мы фактически-то и не бунтовали, а просто требовали положенного по норме. Ужин на самом деле был двойной: две порции картошки, два огромных куса жареной трески и по две кружки компота. И сколько хочешь хлеба.

Через два дня на общем построении батальона был зачитан приказ о наказании виновных. Двух «хлеборезов», организовавших воровство продуктов в пищеблоке, отправили в *дисбат*. Начальнику столовой объявили выговор. Мы были довольны. К нашей роте «бунтарей ленинградцев» отношение заметно изменилось в лучшую сторону: нас зауважали!

...

Получали мы – первогодки – в месяц по 7 рублей и 80 копеек на карман. Не разгуляешься. Есть хотелось постоянно. Просить у мамы совесть не позволяла: я ей писал в письмах, что всё хорошо. Думал я, думал, и вот что надумал. Попрошу-ка я у брата Олега: всё-таки он использовал мою стипендию на погашение карточных долгов, вот теперь пусть хотя бы немного возвратит. И... написал! Через пару недель получаю долгожданную весточку. В нетерпении открываю. Выливается 3 рубля бумажкой и... разгромное письмо при-

мерно такого содержания:

– Тебя Армия кормит, поэтому дополнительного содержания даже у родственников тебе просить стыдно!

И мне стало сначала отвратительно, а потом и стыдно, но совсем не за моё прошение...

Принятие решения

Так, с приключениями, прошла зима, которая в Саратове очень холодная: морозы под и за 40 градусов были нередкими. Весна грянула вдруг: с бурной капелью, с песнями скворцов, с кряканьем утиных и гоготом гусиных стай...

Из газет, которые я регулярно читал, а также из политинформаций, проводимых со «стройбатовцами» замполитом батальона, было хорошо известно о жизни нашей страны и других стран, как дружественных, так и откровенных врагов. Так, в январе мы узнали о спуске на воду противолодочного крейсера (вертолётносца) проекта 1123 «Москва»; в конце февраля – о первом полёте тяжёлого турбовинтового транспортного самолёта Ан-22 «Антей»; в марте – о первом в истории человечества выходе в открытый космос космонавта СССР Алексея Леонова... Продолжалась война во Вьетнаме, где героические вьетнамцы вместе с нашими зенитчиками и лётчиками сражались с американцами... В общем, жизнь за забором нашего батальона кипела!

И постепенно всё моё существо заполнила одна мысль: что же я здесь делаю, почему теряю драгоценное время без пользы для своего будущего, неужели придётся ещё почти полтора года копать ямы, создавать идеологически выдержанные стенгазеты и накалывать русалок? Почему я не пошёл во ВВМУ? Там бы я служил и учился, стал бы офице-

ром, как отец, как брат, как многие мои родственники и друзья...

Вспомнился друг детства Вадик Кайстрия, который учился уже на втором курсе ВВМИУ имени В.И. Ленина в городе Пушкине, под Ленинградом. Потом вспомнил «одногодворника» и «одношкольника» Мишку Гернера, заканчивающего первый курс ВВМУРЭ, куда он поступил сразу после школы... В октябре прошлого, 1964 года, когда Мишка зашёл ко мне домой в первое своё увольнение, он очень красочно расписывал свою учёбу во ВВМУРЭ на 3-м факультете, свою специальность «вычислителя», возможную офицерскую службу после училища на КП в Главном Штабе ВМФ или в каком-нибудь Военно-морском НИИ... А чем плоха служба на надводных кораблях или подводных лодках?! Защита Родины в морях и океанах – что может быть достойнее в жизни?

И тут Судьба мне подбросила интересную мысль: ведь можно попробовать подать рапорт по команде о желании поступать в Высшее военное учебное заведение, чтобы навсегда связать свою жизнь с военной службой! Эта мысль мгновенно превратилась в твёрдое Решение! Только одно меня тревожило: мой рапорт могут завернуть, так как я не прослужил ещё полного года срочной службы...

И всё-таки я подал рапорт, много раз переписывая и отбатывая текст. У меня снова получился рассказ о своей жизни, где были упомянуты многочисленные флотские офицеры

– мои родственники. Подал, стал ждать... Через месяц меня вызвал командир роты и объявил, что мне разрешена попытка поступления во ВВМУРЭ, и что в установленное время меня вызовут и вручат соответствующие сопроводительные документы, и что мне надо в течение трёх дней привести себя и форму в порядок. А форму мне выдадут новую.

Я был счастлив абсолютно, словно полный идиот!

Отъезд из «стройбатовского» батальона оказался не совсем гладким. Во-первых, «старики» отобрали у меня новые сапоги, заменив их старыми кирзовыми с дыркой на носке левого сапога, а во-вторых, командир роты приказал немедленно расшить зашитые мною брюки-галифе. И форму новую мне не выдали. Однако вся эта чепуха не могла и на чуточку ослабить моей бесконечной радости!

...

Но вот и знакомая парадная. Взбегаю на третий этаж. Звоню в квартиру. Сердце учащённо бьётся. Открывает дверь мама, за ней выглядывает бабуля. Обе, улыбаясь, плачут. Только женщины могут проделывать это одновременно...

Глава третья. Постепенное слияние с «Системой»

Флот на помощь колхозникам

В один из дней сентября 1965 года весь первый курс ВВ-МУРЭ – человек 500 – направили на сбор овощей в колхозы Ленинградской области, в помощь не справляющимся со своими обязанностями колхозникам. Нашей роте досталась маленькая деревенька в Гатчинском районе, со смешным названием Фюнатово. Дружище Мишка Титов выразил своё отношение к этому событию загадочным возгласом:

– Вот и прекрасно: едем на латифундию!

Увидев на моём лице вопрос, Миша объяснил, что *латифундией* «питоны» называли свой лагерь на Нахимовском озере, где ребята не только проходили шлюпочную практику, но и работали по хозяйству.

Деревня Фьунатово. На уборке свёклы Юрий Быстриков и Игорь Филиппов

Во «Фьунатовской латифундии» нас разместили в небольшом деревянном деревенском клубе, где на палубу были брошены голые матрасы для спокойных снов, и от стены до стены простирался длинный стол для принятия пищи, сбитый из кривоватых досок. Готовить надо было самим. Хорошо, что в наших рядах находился бывший матрос Зуев, который добровольно стал *коком*. Каждый день колхозники привозили нам большой бидон молока, овощи, хлеб, регу-

лярно свежее мясо. Консервы, крупы и макароны у нас были взяты с собой, из училища. От голода не страдали.

Руководил всем этим «картофельным первокурсом» полковник морской пехоты, которого мы прозывали «чёрным полковником». Однако он редко навещал нас, поэтому нами управляли старшины классов.

После подъёма и завтрака мы выходили подобием строя в поля, или, если далеко, нас везли туда на грузовиках. Мы геройски рубили головы капустным кочанам, тянули из земли свёклу, морковку, но больше всего работы было по сбору картофеля. Картофельные поля были бесконечны... По этим полям – там, где земля не очень мокрая – не спеша – «чух-чух-чух» – катила картофелеуборочная машина, выкапывающая из земли всего лишь 20 % картошки. Всю остальную добирали мы. Поутру в поля приезжал грузовик, из кузова которого через равномерные расстояния сбрасывались деревянные ящики. Эти ящики надо было наполнять картошкой. Работали попарно. Наша пара – Мишка и я. На день выдавалось задание: собрать определённое количество полных ящичков.

Каждый день шёл дождь. Или проливной, или зарядами. Чавкать в грязи, а потом очищать «говнодавы» от глинистой земли было противно. И мы с Мишкой задумывались, как сделать дневное задание побыстрее, допустим, к обеду. А после обеда только изображать трудолюбивых. Тут Мишка, совершенно случайно перепутав картофелину с плотным комом

земли, бросил в ящик ком. Я машинально его из ящика выбросил, но... тут мы оба посмотрели друг на друга и улыбнулись от приятной, одновременно посетившей нас мысли.

И начали вместо картофеля быстро сыпать на дно ящиков комья земли, а потом покрывать их картошкой. И так мы этим «творчеством» увлеклись, что ящики наполнялись в несколько раз быстрее, а слой верхнего картофеля при этом становился всё тоньше и тоньше. Сначала мы выполнили план на час быстрее обычного, на следующий день – на два, а когда дневной план стал выполняться всего за один час, наш старший – Володя Адажук – очень заинтересовался нашими «успехами». Тут – как будто специально – появились обиженные колхозники, принимающие картофель на складе, и Володя сразу всё понял. Нам с Мишкой влетело по первое число, нас объявили «сачками», и три дня мы мыли грязную посуду. Но хуже всего то, что нам пришлось перебирать на складе свозимую туда картошку, отделяя её от земли, а потом – как дополнительное наказание – нас перевели на сбор капусты, на поля, где длинные ряды огромных бело-зелёных кочанов уходили за горизонт...

Норма по капусте была серьёзная, почти невыполнимая, никаких новых «методик по улучшению труда» нам создать не удалось, поэтому мы просто вкалывали «как следует», а не «абы как»... К вечеру уставали изрядно. Однажды вечером нас навелит почти забытый нами «чёрный полковник», чтобы убедиться, что у нас всё хорошо, всё по плану. Войдя

в клуб, он увидел Мишу Московенко, стоя прислонившегося к косяку двери и задремавшего от усталости. Полковник спросил разлепившего веки Михаила, о чём же тот задумался, по кому заскучал. Мишин ответ прозвучал чётко:

– Скорее бы утро, да снова на работу, тащ плквник!

Именно с того самого момента эта крылатая фраза сопровождала нас в течение всей службы, и оставалась актуальной как в запасе, так и в отставке.

Как-то поутру между кочанов мы подняли огромного зайца-русака, обжиравшегося колхозной капустой. Русачина, с испугу высоко подпрыгнув, обделался, и помчался, высоко подкидывая задние лапы... прямо на нас! Мы, побросав сельхозинвентарь, начали весело его ловить, орать, свистеть, скользя и падая на земле, усыпанной капустными листьями! Самое смешное и удивительное, что нам удалось-таки изловить его! Каждый курсант, вымазанный землёй до невозможности, нежно удерживая зайца на руках, улыбаясь, погладил шёрстку притихшего зверька. А и не зверёк он был вовсе, а тяжеленный зверюга! Килограммов десять, не меньше. Но не подумайте о нас чего плохого: даже мыслей ни у кого не возникло, чтобы съесть его с кашей – бережно перенесли к краю капустного поля и отпустили восвояси. Обессиленный зайчишка, полежав чуток, неспешно поплёлся домой... Несмотря на противный затяжной осенний дождь, весь день настроение у нас было приподнятым и радостным.

Чёрный кот и... бутылка

– Жил да был чёрный кот за углом...

Эти слова потом долгие годы сопровождали меня и на службе, и дома, и везде. А дело в том, что только эта, модная в то время песня, и была на единственной пластинке, которая без конца заводилась на стареньком клубном проигрывателе, пока мы завтракали, обедали, ужинали или отдыхали.

– И кота ненавидел весь дом...

Ненавидели и мы, но больше заводить было нечего.

Мичмана Адажук Владимир и Головин Андрей

Незаметно подошёл первый выходной день – воскресенье. Можно было помыться, постираться, поиграть в футбол, шахматки и картишки, просто внаглую выспаться. Некоторые, у кого деньги водились, посетили деревенский магазин, накупили конфет, пряников, лимонада, а кто и погорячее. У нас с Мишкой с деньгами всегда было туговато, поэтому мы ограничились тройной порцией молока, которое нам привезли после утренней дойки довольные нашей рабо-

той колхозники, в количестве аж двух бидонов вместо одного обычного.

Наступил вечер, потихоньку стемнело... Всем взводом собрались в клубе. До отбоя было ещё далеко, и неожиданно мы решили... танцевать! Разгорячённые напитками и тройной порцией молока, самозабвенно отплясывали, кто во что горазд. «Чёрный кот» по сути дела – настоящий твист, вот мы его и откалывали. Особенно выделялись в этом умении москвичи и ленинградцы; ребята из других городов в основном смотрели, делая неуклюжие попытки влиться в танец. Вся эта вакханалия продолжалась часа полтора. Наконец разгорячённые плясуны устали, и молодецкие пляски затихли.

Высыпали на воздух. Утирая потные лбы и шеи, курильщики закурили. И тут москвич Андрюха Головин достал из кармана... бутылку «Столичной». Профессионально вскрыл её и дружески предложил всем желающим по глотку из горла. Желающих не нашлось. Тогда Андрюха, желая покрасоваться, ляпнул, что может всю бутылку выпить одним глотком! Никто не поверил: даже просто глотать крепкую жидкость из горла, не закусывая, и то противно, а тут – за один глоток... Кто-то из ребят даже поспорил с москвичом.

Андрюха, круговыми движениями раскрутив водку в бутылке, открыл рот и... просто вылил (!!!) содержимое в горло. Мы внимательно следили за кадыком Андрюхи, будет ли кадык прыгать при глотании. Жидкость весёлым ручейком

забулькала по московскому жестяному горлу куда-то глубоко вниз, внутрь организма. Кадык не прыгал: Андрюха не глотал!

Залив бутылку, Андрюха, внешне совершенно не изменившись, стоял и преспокойно упивался своей победой. Ну и крепкий желудок оказался у москвича! Раззявив от удивления рта, на несколько мгновений мы застыли столбами, а потом – дураки! – начали бурно восхвалять Андрюху, будто он совершил потрясающий подвиг.

Поход в соседнюю деревню

По-осеннему быстро стемнело. И тут улыбающийся Андруха завлекательно напомнил, что в соседней деревне Жабино – кстати, более населённой молодёжью – тоже есть клуб, и в нём – после воскресного киносеанса – именно сейчас тоже происходят танцы. Но не мужские, как у нас, а самые настоящие, с девушками! Колхозные девушки... голубоглазые, румяные, в меру стройные... мечта поэта!

До деревни Жабино всего шесть километров – разве могло это расстояние удержать молодых парней, разгорячённых плясками, вином и молоком?! И мы начали свой легендарный поход, а вернее – курсантский исход из Фьюнатово.

Мичмана Волгин Юрий и Чесноков Георгий

Большинство двинуло пешком. Но нашлось несколько молодцов, которые, для облегчения своего передвижения, срочно овладели подручным колхозным транспортом.

Кто-то из нашей четвёрки заметил во дворе клуба телегу с пустыми бидонами из-под молока. Неподалёку на лужайке паслась лошадь, нежно хрумкая жестковатой осенней травой. Как единственный в группе специалист с кое-какими навыками крестьянской жизни, я успешно впряг лошадь в

телегу. И уже через 20 минут наша четвёрка покатила на телеге, удобно развалившись на сене, следом за ушедшими ранее ребятами. Сидя на передке, я лихо размахивал концами вожжей, временами по-крестьянски крича на лошадь:

– *Ехай шибче!*

Однако пожилая лошадка, прядая ушами, и не думала убыстраться, очевидно, по причине устоявшегося наплевательски-философского склада характера.

Когда мы подъехали к окраинам деревни Жабино, сзади послышалось одновременное тарактенье автомобиля и конский топот. Нас догнала странная парочка передвижных средств: маленькая «инвалидка» и белый конь со скачущим верхом Валеркой Шелевахо. Причём конь был не оседлан, и при скачке фигура Валерки, скользя по мокрой спине коняги, слегка заваливалась то на один, то на другой «борт». Надо сказать, что наш Валерка славился неутомимой, прямо цыганской любовью к лошадям, а вернее, к желанию скакать на них. И в будущем, куда бы ни забрасывала офицера Валерку служба, всегда первым делом всматривался он в окрестные дали в поисках коня для скачек. А поскольку при этом он являлся ещё и ярким блондином, то и прозвище к нему приклеилось соответствующее – «Белый цыган». И вот этот Белый цыган красиво обошёл нас на всём скаку, у самого финиша!

Крошечная «инвалидка», битком набитая курсантами, догнала нашу телегу, но обогнать не смогла по причине узо-

сти просёлка. Исполняющий обязанности шоферюги московский ас Андрюха непрерывно жал на клаксон, пассажиры орали, пытаясь согнать нас на обочину. Для обгона. Но мы, как и положено ехавшим на телеге крестьянам, степенно молчали, даже не поворачивая голов в их вопящую сторону. Как позже оказалось, много лет «инвалидка» простояла «на приколе» в соседнем с клубом колхозном дворе. Её хозяин не ездил на ней по причине неисправного аккумулятора. Наши, технически грамотные курсанты Герка Чесноков и Юрка Волгин, а также присоединившийся к ним слегка покачивающийся Андрюха Головин, решили машинку «оживить». И ведь получилось! Что они с ней сделали, одному автомобильному Богу известно, но ехала она прилично, даже сумев догнать нашу резвую лошадку. В «инвалидке» уместилось аж шесть человек!

Мы подъехали к деревенскому клубу во втором часу ночи. И кино про Ассоль, и танцы давно закончились, румяные колхозные девушки сладко посапывали на мягких перинах, просматривая сны про красивую жизнь с городскими «прынцами», которые развезли их по «дворцам-хрущёвкам» на телегах с алыми парусами. Во дворе клуба стояли, устало покуривая, все наши ранее притопавшие ребята, и Валерка, любовно поглаживающий белого коня. Расчувствовавшийся коняга шлёпал Белого цыгана по щеке большим языком, иногда, для разнообразия, покусывая временного хозяина за ухо.

Ровно в два часа ночи мы начали движение по деревне: если приехали, то изучить населённый пункт надо было обязательно. Телегу мы оставили во дворе клуба, предварительно не забыв выпрячь лошадку. Там же окончательно застыла достигшая последнего причала «инвалидка». Только Валерка не бросил боевого друга: он вышагивал с белым коником впереди отряда. Мы беспорядочной толпой устало тянулись за этой парой...

Пройдя Жабино (не такая и большая деревня оказалась), мы вышли на грязный просёлок. Справедливо решив, что все дороги ведут во Фьюнатово, поплелись по ночному просёлку. Изрядно поплутав, под утро всё-таки нашли родную деревню, где нас с радостью встретила тёплая *жилуха* – клуб.

Утро понедельника началось с разборок. Сразу несколько озабоченных колхозников суетливо прохаживались по двору, ожидая от нас вразумительных объяснений. Возчик молока не нашёл ни телеги, ни лошади, только пустые бидоны сиротливо валялись в траве. Хозяин «инвалидки», которому именно сейчас «приспичило» её чинить, размахивая руками, что-то доказывал председателю колхоза, мрачно курящему беломорину. Мрачный настрой председателя объяснялся просто: всё утро он безуспешно искал своего белого коня, которого Белый цыган Валерка от большой любви ещё ночью отпустил на волю. Конь радостно смылся в неизвестном направлении. Валерка объяснил своё причудливое решение личной просьбой самого коня, которому Валерка не

смог отказать...

Вот такой и запомнилась наша первая курсантская «военно-морская» практика в деревушке Фьонатово, *латифундии*, затерявшейся среди болот и лесов Гатчинского района Ленинградской области.

Камбуз. Часть 1. «Ох, уж ЭТОТ камбуз!»

Пролетел мокрый картофельный сентябрь во Фьюнатово. Грязные, но окрепшие и сплочённые, мы вернулись в «Систему». Кстати, ВВМУРЭ имени А.С. Попова (изобретатель радио, если кто не знает по недо-образованности) шуточно переводилось курсантами как *Высшее вокально-музыкальное училище работников эстрады имени Алега Попова* (имелся в виду знаменитый цирковой клоун Олег Попов).

Где должен быть командир во время перехода роты по

маршруту куда-то, очевидно – по делу? Впереди, на лихом коне!.. Коня, однако, нет, да и шаг не особо строевой...

После хорошей бани начались учебные занятия, наряды, дежурства, работы, редкие увольнения... в общем, служба.

Из всех видов нарядов самое двойкое впечатление представлял наряд на *камбуз*. Худшим был тот, когда несколько курсантов отмывали посуду после принятия пищи всем училищем. И так целый день. После каждого приёма пищи. То есть четыре раза в сутки. Кроме того, надо было помочь официанткам сначала накрыть столы, а потом – убрать... А курсантов-то в училище более трёх тысяч! Да ещё матросская рота obsługi. Да оркестранты... В общем, грусть – тоска...

Мытьё посуды заключалось в следующем: допустим, я – курсант–посудомойка, стою перед огромной металлической мойкой, где грудями навалены тарелки, вилки, ложки, половники, и, наконец, самое чудовищное – грязные *бачки*. Особенно ужасны они после обеда с пшённой кашей, называемой «*кисляком*». Каша готовилась на воде и, чуть остыв, застывала мгновенно. От неё – от тёпленькой – ещё можно было оторвать ложкой кусочек невкуснятины, но если каша застывала, то она превращалась в скользкое... дерьмо! Поэтому, когда нам приносили бачки к мойкам, то чаще всего каша даже тронута не была. Всё это пшённое дерьмо вываливалось в огромные ёмкости, очевидно, для гусей, кур и охран-

ных собак на даче у *начпрода*. Гуси-то объедались, а мы потуже затягивали пояса, и, если появлялись деньги, то шли в буфет, где в особой цене были халва и горячая яичница – глазуня...

Но я отвлёкся – посуда-то ещё не мыта! Включаю краны с горячей и холодной водой; они соединяются старым резиновым шлангом в один слоновий хобот. Их этого хобота хлещет вода нужной температуры. Справа в алюминиевой миске – сухая горчица для лучшего отхода грязи и остатков пищи: Феггу тогда и в помине не было. Ко всему этому полагались тряпка, щётка со стёртой щетиной и обрывок мочалки. Начали! Берём, мочим, трём... берём, мочим, трём... и так до тех пор, пока не будет ощущаться жир. Весь этот процесс длился несколько часов, особенно долго после обеда.

Камбуз. Часть 2. «Ах, что за прелесть этот камбуз!»

Теперь про хороший наряд. Время от времени, всегда только в ночь, на камбуз выделялся целый взвод, т.е. класс. Для чистки картошки всему училищу. С точки зрения курсанта–первокурсника, это прекрасное времечко. И не только первокурсника, поскольку этот вид камбузного наряда сопровождал нас аж три курса... и даже на четвёртом, но реже.

Ночная чистка картохи. Александр Дубовицкий, Сер-

гей Власенко, Георгий Чесноков, Андрей Головин, Игорь Филиппов

Давайте представим, что сегодня – вечер, и именно наш взвод назначен чистить картошку. Топаем разболтанным строем на камбуз. Образовавшийся ещё во Фьонатово, наш взводный *ВИА* несёт гитары. Гитаристы: Юрка Быстриков и два Валерки – Назаренко и Валов. Ещё один Валерка – Шелевахо – если соберётся сыграть и спеть свои цыганские песни про коня и волю, то берёт гитару у штатных *ВИА*-истов. А для какой такой необходимости они волокут на камбуз инструменты, скажу позднее. У них – наших музыкантов – даже язык – особый жаргон-сленг, заимствованный из блатных песен. Себя они называют «*лабухами, лабающими*» на музыкальных инструментах. Иногда в наш взводный *ВИА* включается и ударник, Алик Пастернак, *сотрясающе* барабанящий на разнообразной камбузно-посудной аппаратуре.

Вот притопали. В огромных кафельных и гулких отсеках камбуза пустовато, только у стены виднеются автоматические картофелечистки, прикреплённые к полу. В углу высятся египетской пирамидой ящики с картошкой, может быть, из нашего дорогого Фьонатово, память о котором пока ещё свежа. Если в эту ночь автоматика работает, то мы только вырезаем оставшиеся глазки из картофелин, но обычно картофелечистки стоят на приколе, поэтому приходится брать в руки ножи и – вперёд! Иногда до трёх или четырёх часов

ночи. Привычно делимся на три группы: рабочие, «лабухи» и добытчики. *Рабочие* – это трудяги-парни, способные только удерживать нож для чистки картохи, их большинство, «лабухи» организуют развлекательную музыку, бренча на гитарах и слаженно завывая популярные песни тех времён, чтобы чистящим веселее работалось, а вот *добытчики* – это самые уважаемые люди: они шарят по всем углам камбуза в поисках еды, слёзно выпрашивают у дежурного по камбузу, глядя на него голодными глазами, а потом готовят деликатесы на больших плитах. Для всех. И иногда удача так поворачивается к ним нужной стороной, что мы – после чистки картошки – досыта наедаемся жареным мясом и той же самой картохой из Фюнатово, но уже в жареном виде. Среди добытчиков еды наибольшими способностями отличались Андриуха Головин и Баграт Юрханьян. И если они с нами, то можно считать, что бессонная ночь не пройдёт даром!

Земноводные подводники

На первом курсе, среди многих прочих наук, мы изучали предмет под сокращённым названием *ТУЖУК* (Теория устройства, живучести и управления кораблём). Название это казалось нам смешным; мы даже выдумывали шуточные расшифровки и поговорки, к примеру: «А Володя Адажук всё грызёт-грызёт *ТУЖУК!*». Конечно же, старшине нашего класса Володе Адажуку не очень-то нравилась эта поговорка, однако приходилось терпеливо переносить трудности совместной жизни в курсантском коллективе.

К этой науке прилагалась соответствующая лаборатория, где сей предмет изучался наглядно. В помещении лаборатории у стены возвышалась огромная стеклянная ёмкость, прозванная «аквариумом». Наполненный водой аквариум простирался от одной стены до другой и от пола до потолка! В желтоватой водичке плавала модель *п.л.* С моторчиком, имитирующим двигателя, горизонтальными рулями, а также цистернами, которые заполнялись водой или продувались воздухом, для погружения, всплытия, или изменения крена и дифферента. Преподаватель или курсант брал в руки пульт и наглядно управлял *п.л.*, находящейся в различных состояниях. И если бедняга курсант не те цистерны продувал или заполнял, и не туда поворачивал рули, то получал двойку. Всё просто!

Мы все прекрасно понимали, что вряд ли кто-нибудь из нас будет командовать *пл*, а если и приведётся кому, то очень-очень не скоро. К тому же по этой дисциплине предстоял не экзамен, а зачёт, поэтому относились к ТУЖУК «спустя рукава».

До сих пор (а прошло без малого 60 лет!) не ведаю, кто догадался притащить в лабораторию огромных лягушек и запустить их в аквариум. Увеличено искажённые водной средой, зеленоватые земноводные медленно плавали вокруг *пл*, обживая незнакомое пространство. Некоторые, наиболее любознательные, забирались на рубку *пл*, находящейся в надводном положении, и отдыхали, выпучив «зенки». Мы притихли, в ожидании событий.

Вошёл преподаватель, он же начальник кафедры, *каперанг*, но можно звать и *капраз*. Мы встали, приветствуя его, и занятие пошло своим чередом.

В этот раз преподаватель объяснял нам основы дифферентовки. До сих пор из глубины прошедших лет долетает до меня его голос:

– Сначала плавучесть подводной лодки необходимо привести к положительному значению, приближённому к нулевому. После этого следует выровнять моменты сил по крену и дифференту. Тогда, работая только гребными винтами и рулями, вы сможете парить в водном пространстве, подобно... птице в воздухе.

В пылу учебных объяснений этот романтик военно-мор-

ской службы несколько раз нажимал на пульт, заставляя подлодку всплывать или погружаться, иногда, не оборачиваясь, тыкал указкой назад, за спину, по памяти всякий раз точно попадая туда, куда надо. Но вот, после очередного тычка указкой, раздался наш дружный хохот! Что такое?! Поворот через левое плечо и... вытаращенные глаза офицера упёрлись в вытаращенные глаза лягушенции, застывшей в позе Ихтиандра у толстого стекла аквариума!

Капраз, быстро придя в себя, командным ором вызвал лаборанта – старослужащего мичмана, бывшего подводника. Ещё вчера, в курилке, в перерывах между парами занятий, этот мичман наглядно и дружески демонстрировал нам романтические последствия службы на подводном флоте, выпуская дым через... ухо, перепонка которого, по словам мичмана, была пробита глубоководным давлением. И вот этому пожилому, слегка заспанному человеку, преподаватель приказал немедленно выловить всех лягушек. Мы радостно ожидали вторую часть Марлезонского балета, но... старый и опытный мичман-подводник, чётко произнеся *«Есть!»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.